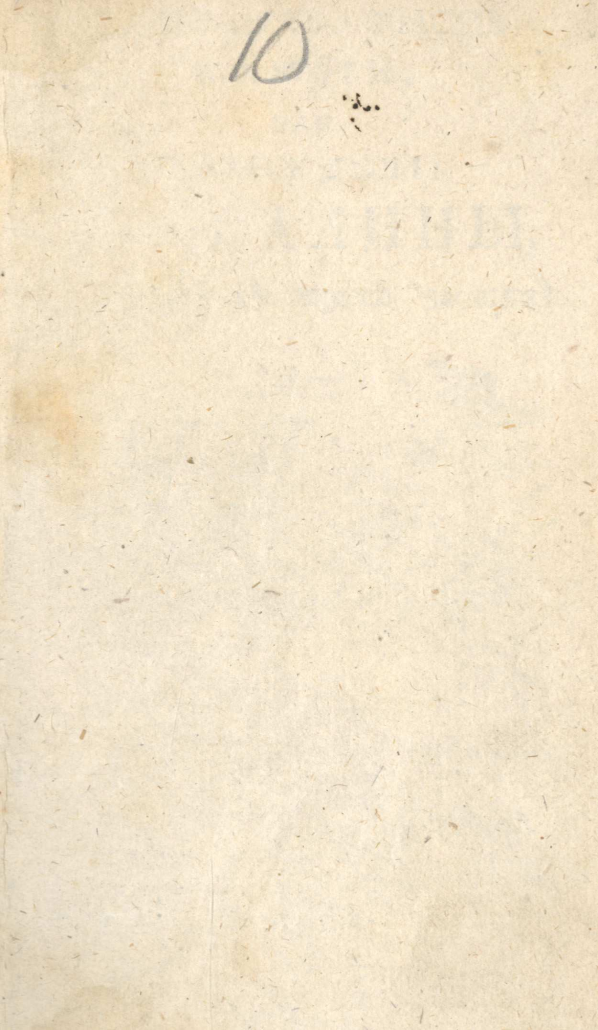

стр 11, 137, 157 -
им. дефект.

10

СВОЕВОЛЬСТВО СЧАСТІЯ И ЛЮБВИ,

ИЛИ

ПОХОЖДЕНІЕ РОССАЛИНЫ,

состоящее въ трехъ частяхъ.

Иждивенїемъ Общества старающагося о напечатанїи

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
1773 года.

СВОЕВОЛЬСТВО СЧАСТІЯ И ЛЮБВИ,

ИЛИ

ПОХОЖДЕНІЕ РОССАЛИНЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рѣдко видимъ, чтобы кто не испытавъ великихъ несчастій, и не преодолѣвъ ужасныхъ затрудненій, преклонилъ своевольнаго бога любви на свою сторону, и наслаждался бы его благодѣяніями. Онъ самыми колкими и трудными стезями ведетъ во храмъ спокойствія и благополучія, и всѣ почти любящіяся начинаютъ чувствовать свое счастіе по претерпѣніи уже немалыхъ злоключеній. Россалина служитъ

житъ сему яснымъ доказательствомъ, будучи отъ самаго младенчества игралищемъ любви и счастія. Отъ трехъ лѣтъ воспитывалась она въ одномъ монастырѣ въ Венеціи, не знавъ ничего о тѣхъ, которые жизнь ей даровали. Монахини, въ смотрѣніи которыхъ она находилась, такъ же не вѣдали ничего такого, по чему бы можно было узнать что нибудь о ея рожденіи; понеже одна старушка, отдавъ сіе дитя въ ихъ питомство, ничего не объявила имъ ни о имени ея родителей ни о времени и мѣстѣ ея рожденія, назначивъ только довольную сумму денегъ, которую имъ изъ городоваго банка для воспитанія Россалины ежегодно получать надлежало; и наконецъ учредивъ все сіе такимъ образомъ, никому болѣе не показывалась. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ не возможно было никакого извлечь познанія о рожденіи Россалины. Вотъ сколь горестно было ея состояніе! По прошествіи двенатцати лѣтъ, когда вся обитель

тель отчаялась увидѣть еще помянутую старушку, она къ общему всѣхъ удивленiю, прибывъ въ манастырь спрашивала о своей дѣвочкѣ. Монахини представили ей немедлѣнно Россалину, которая уповая въ ней обрѣсти мать свою, отъ чрезмѣрной радости проливала слезы; и нѣжно обнимая сiю старушку, говорила: любезная матушка, по толь долгомъ отсутствiи я имѣю на конецъ счастiе васъ паки видѣть. Нѣтъ сумнѣнiя, продолжала она, чтобы не вы бытiе мнѣ даровали; понеже кромѣ васъ никто не принимаетъ участiя въ моемъ состоянiи.

Старуха пришедъ въ крайнее сожалѣнiе, насилу на сiе могла отвѣтствовать. Удовольствiе, произходящее отъ свиданiя съ Россалиною, привело ее въ немалое замѣшательство; но принудивъ себя, сколько было можно, сказала, что она не можетъ назваться ея матерью. Вы рождены, продолжала она, отъ весьма знатныхъ господъ, у которыхъ я въ услуженiи нахожуся.

жуся. Кому же я должна моею жизнію? скажи, отвѣствовала Россалина. Родителямъ, знаменитымъ по ихъ богатству и высокимъ достоинствамъ, прервала рѣчь ея старуха; но не вопрошайте меня о томъ далѣе, я обязана соблюдать молчаніе; однако вы скоро узнаете вашу участь. Надлежитъ намъ ѣхать въ Генуу, и тамъ то вы увидите, отъ какой крови небо опредѣлило вамъ родиться.

Сіе извѣстіе весьма льстило тщеславію Россалины. Она примѣчала уже въ себѣ нѣкоторую благородную гордость, которую мы только въ знаменитой крови получаемъ, и великость духа, несродную почти никогда подлому произхожденію, и по тому еще болѣе утверждалась въ мнѣніи о знатномъ своемъ произхожденіи. Немалая сумма, опредѣленная на ея содержаніе, и усильная прозьба старухи въ перьвое ея свиданіе съ монахинями, чтобы ничего не щадить для хорошаго оной воспитанія, утверждали такъ же въ сихъ

мысляхъ

мысляхъ Россалину. Вѣ самомъ дѣлѣ попеченія ея наставницъ были не напрасны; понеже она и сама съ великимъ прилѣжаніемъ старалась исправить естественныя свои дарованія, и научалась съ неописанною пріятностію пѣть, танцовать, и всему, что только знатной женщинѣ прилично. Старуха видя таковые успѣхи Россалины, предвѣщала уже, что родители ея будутъ немалое чувствовать удовольствіе, увидя дочь свою столь совершенну, и по тому столь достойну высокаго своего произхожденія.

Простившись со всѣми монахинями Россалина, отправилась въ Генуу. Во время пути усильно просила она старуху объявить ея состояніе, по что опасаешся ты, говорила она ей, открыть мнѣ сію тайну, когда то правда, что я весьма скоро узнаю оную! Когда же надлежитъ хранить въ молчаніи то, что ты отъ меня скрываешь, такъ прошу тебя положиться на мою скромность; хотя я и

 молода,

молода, однако молчать умѣю, когда нужда того требуетъ. Не принуждайте меня къ тому, чтобы я преступила мою клятву, отвѣтствовала старуха. Я обѣщалась не открывать вамъ вашей фамиліи: но можетъ быть я уже о томъ сказала очень много. Будьте увѣрены, что пріѣхавъ въ Генуу, вскорѣ разрушатся всѣ ваши сумнѣнія. Не въ семъ ли же городѣ я родилась? спрашивала Россалина. Нѣтъ, отвѣтствовала старуха, не въ Генуѣ, но въ Медіоланѣ. Когда родители мои Медіоланцы, говорила Россалина, такъ что же мнѣ въ Генуѣ дѣлать? Я уже сказала, что не могу предъ вами изъясниться, прервала рѣчь ея старуха. Успокойтесь: вы конечно довольны будете тѣмъ состояніемъ, которое васъ ожидаетъ.

Россалина видя, что ничего не можетъ узнать отъ своей спутницы, положила съ терпѣніемъ дожидаться прибытія своего въ Генуу, гдѣ сей важной тайнѣ открыться надлежало. Одинъ день

оставался

оставался Россалинѣ до мнимаго ея благополучїя, Генуа начинала уже открываться глазамъ ея, какъ проѣзжая между двухъ горъ, которыми окруженъ сей великой городъ, четыре разбойника остановили почтовую ея коляску. Старуха думая откуда нибудь получить помощь, начала кричать изо всей силы, что принудило одного разбойника пронзить ея грудь кинжаломъ. Почтарь туже имѣлъ участь, хотя и весьма отчаянно защищался.

Прекрасная Россалина, въ смертельномъ находясь ужасѣ, была безгласна, и можетъ быть сїе молчанїе соблюло жизнь ея. Разбойники осмотрѣвъ сундуки, выбрали все оттуда, на конецъ обнаживъ старуху и почтаря, бросили ихъ въ глубокую стремнину, каковыхъ между сихъ горъ находится довольно. Сколько же сїи злодѣи къ пролитїю крови человѣческой алчны ни были; однако тронуты будучи младостїю и красотою Россалины, оставили ей жи-

вотъ: но опасаясь, чтобы она не могла возвѣстить кому о ихъ нападенiи, прежде нежели они въ надежное мѣсто уберутся, привязали ее къ одному дереву близъ дороги. На конецъ выпрягли они лошадей изъ ея почтовой коляски, и сѣвъ на оныхъ, наипоспѣшнѣйшимъ образомъ ускакали въ горы.

Около трехъ часовъ находилась Россалина безо всякой помощи. Лишь только она пришла въ чувство, то слезы потекли изъ глазъ ея. Она не осмѣлилась кричать, думая, что разбойники, услыша ея голосъ, лишатъ жизни, такъ какъ старуху и почталiона, и такъ же не надѣялась, чтобы кто изъ путешествующихъ отвязалъ ее отъ дерева прежде наступленiя ночи, которая уже начинала покрывать горизонтъ своею мрачностiю. Въ такомъ несчастномъ положенiи находясь, начинала она приходить въ совершенное отчаянiе, и думала, что небо избавило ее злодѣйскихъ рукъ для того только, чтобы послѣ лишить жизни

лютѣйшимъ образомъ, отдавъ въ пищу звѣрямъ, во множествѣ по симъ горамъ таскающимся. Вотъ благополучное состоянїе, которымъ я себя ласкала, говорила она: но хотя судьба и сохранитъ жизнь мою, однако оная будетъ преисполнена неминуемыми несчастїями. Я нахожусь въ такой землѣ, гдѣ мнѣ ни отъ кого помощи ожидать не можно, а тѣмъ менѣе еще надѣяться узнать когда нибудь моихъ родителей. Ежели я для сего открою всѣмъ мои обстоятельства, то можетъ быть тѣмъ навлеку на себя новое несчастїе, что я знаю о причинахъ, побудившихъ родителей моихъ столь старательно скрывать отъ меня мое состоянїе. Увы! смерть не можетъ назваться величайшимъ для меня несчастїемъ въ сихъ обстоятельствахъ.

Въ то время, какъ Россалина стенала о своихъ несчастїяхъ, небо, защищающее всегда неповинныхъ, приуготовляло ей спасенїе. Одинъ Французскїй купецъ, ѣдущїй въ

Генуу изъ Медіолана, услышалъ стонъ ея. Оставивъ свою лошадь пробрался онъ по лѣсу къ тому мѣсту, въ которомъ она была привязана. Кто бы вы ни были, говорила она ему, пожалѣйте о несчастной, развяжите меня, я васъ прошу, или прекратите мою жизнь. Купецъ удивлялся сему странному позорищу и развязывая Россалину говорилъ ей: не тужите; небо, приведшее меня въ сіе мѣсто, сжалится взирая на ваши скорби. Увы! отвѣтствовала Россалина, я уже лишилася всего на свѣтѣ и осталась безъ возврату наибѣднѣйшею изъ всѣхъ смертныхъ. Она разсказала ему по томъ о смерти старухи и почталіона: но однако утаила истинную причину своего путешествія. Смерть моей матушки, продолжала она, лишила меня последней помощи, и я теперь сама не знаю, къ кому имѣть прибѣжище. Я ничего уже болѣе не имѣю, разбойники ограбивъ меня до нага, довели до послѣдней крайности.

Купецъ

Купецъ тронутъ будучи несчастіемъ Россалины, обнадеживалъ ее, что онъ самъ не преминетъ стараться о поправленіи ея состоянія. Я васъ представлю, говорилъ онъ, многимъ Генуескимъ женщинамъ, которыя васъ съ родительскою горячностію примутъ, а между тѣмъ, ожидая ихъ благодѣяній, вы будете жить въ моемъ домѣ. Моя супруга заступитъ мѣсто вашей матери. Какою благодарностію заслужу я ваши милости? отвѣтствовала Россалина. Я вамъ за оные платить могу только однимъ искреннимъ къ вамъ усердіемъ; но оно для столь благодарнаго сердца, каково ваше, столько же важно, сколько самые драгоцѣнные подарки.

Купецъ видя, что имъ не возможно было засвѣтло прибыть въ Генуу, помышлялъ только о томъ, какъ бы Россалинѣ сыскать мѣсто для успокоенія. Онъ посадилъ ее за собою на лошадь, и проѣхавъ съ часъ, прибыли они въ одинъ постоялый домъ, отстоящій только

на двѣ мили отъ города. Россалина препроводила ночь въ безпрестанныхъ размышленіяхъ, и не смотря на то, что была въ крайней слабости, не могла ни на минуту успокоиться. Вотъ, говорила она, благополучное состояніе, котораго я ожидала! Суровая спутница, почто изторгнула ты меня изъ спокойствія монастырскаго! или когда тому такъ быть надлежало, почто не открыла мнѣ ты отъ кого я бытіе мое получила? Какимъ образомъ проникну я теперь въ сію тайну? Что мнѣ осталось дѣлать, когда твоею смертію лишилась я всякой надежды къ познанію моего состоянія? Но ты говорила мнѣ, продолжала Россалина, что я родилась въ Медіоланѣ; при всемъ томъ я должна была въ Генуу ѣхать. Какую причину имѣли родители мои стыдиться назвать меня откровенно своею дочеріюi? Можетъ быть, ежели я стараться буду открыть сію тайну, то тѣмъ подвергну ихъ опасности! Можетъ быть благополучіе

лучіе мое зависитъ отъ сохраненія въ молчаніи моихъ приключеній? Можетъ быть наконецъ и то, что я стараяся обрѣсти моихъ родителей, навлеку на себя тысячу неожидаемыхъ напастей. Въ толикой неизвѣстности полезнѣе для меня, наблюдая молчаніе съ терпѣніемъ, отъ счастія ожидать того, чего теперь око меня лишило.

День засталъ Россалину въ сихъ печальныхъ размышленіяхъ. Не медля по томъ ни мало отправилась она съ купцомъ въ путь свой, и прибывъ въ Генуу, принята была его женою съ знаками наилучшія пріязни. Ваши несчастія, говорила она ей, преклоняютъ меня на вашу сторону. Я чувствую, что вы достойны не только моихъ попеченій; но и сожалѣнія отъ всего свѣта. Вы лишились матушки; и такъ я постараюсь наградить собою вашъ уронъ. Хотя я не весьма богата, однако имѣю друзей, которые мнѣ помогутъ, и постараются возвратить вамъ то, чего

го счастїе теперь лишило. Россалина нѣжно обнимая благодарила наичувствительнѣйшимъ образомъ госпожу Бурсетъ, такъ называлась сїя Француженка, которая поселяся съ своимъ мужемъ, лѣтъ съ пятнатцать жила уже въ семъ городѣ. Слезы нещастной Россалины изъявляли чувствительнѣе всякихъ выраженїй ея благодарность. Утѣштесь, говорила ей госпожа Бурсетъ, и постарайтесь, сколько можно, удалить отъ себя напоминовенїе вашихъ приключенїй. Когда нѣтъ средства къ отвращенїю своего несчастїя, то надлежитъ по крайней мѣрѣ стараться не взводить себѣ на мысль онаго. Мало по малу оно приходитъ въ забвенїе, а я вамъ въ семъ случаѣ могу подать изрядные совѣты, которые мнѣ самой нѣкогда полезны были. Я не всегда была столь благополучна, сколько нынѣ, а противное счастїе довольно меня научило имѣть сожалѣнїе къ несчастнымъ.

Сколько судьба къ Россалинѣ злобна ни была, однако неожидаемая

мая сія помощь нѣсколько ее утѣшила. Часъ отъ часу дружба г. Бурсетъ къ ней возрастала. Она говорила уже о Россалинѣ графинѣ Доріи, одной изъ знатнѣйшихъ женщинъ въ республикѣ, которая дѣлала ей честь своею дружбою. Она обѣщала стараться о поправленіи состоянія несчастной сиротинки, такъ называя Россалину, о чемъ г. Бурсетъ и не преминула ее увѣдомить. Надлежитъ, говорила она, пользоваться благосклонностію графини, которую она и заочно вамъ являетъ; и ежели вы желаете послѣдовать моему мнѣнію, то подите завтре сами просить ее о помощи. Я сдѣлаю все то, что вы разсудите за благо, отвѣтствовала Россалина. Вы занимаете мѣсто моей матери, и такъ вамъ остается приказывать, а мнѣ исполнять ваши повелѣнія. Ежели вы повидаетесь съ графинею, прервала рѣчь ея г. Бурсетъ; то я смѣло спорю, что она не отречется снабдить васъ всѣмъ тѣмъ, чего вы злобною судьбою

лишены

лишены стали. Но когда вы будете довольны, пребывая всегда въ моемъ домѣ и называясь моею дочерью и другомъ, то я съ радостїю готова раздѣлить съ вами все мое имѣнїе, которымъ я отъ большой части обязана щедрости самой же сей графини.

Слезы, потекшїя изъ очей г. Бурсетъ, прервали ея голосъ. Въ сїе время пришли ей на мысль всѣ бѣдствїя, которыя и она претерпѣла, а горькое оныхъ напоминовенїе было причиною, что чрезъ долгое время не могла произнести ни одного слова. По томъ успокоившись нѣсколько такъ говорила она Россалинѣ: не одни вы гонимы непостоянствомъ счастїя, супругъ мой и я испытали наивеличайшую суровость онаго. Правда, что и любовь не меньше бѣдствїя намъ приключила; однакожъ послѣ за все претерпѣнное изобильно наградила; и такъ я говоря о моихъ несчастїяхъ, должна приписать ихъ единственно непостоянству счастїя.

ПОВѢСТЬ

ПОВѢСТЬ ГОСПОЖИ БУРСЕТЪ.

Я родилась въ Марселїи. Мои родители хотя произходили отъ благородныхъ предковъ, однако обращались въ торговлѣ. Дворянство сего города имѣетъ право купечества; и по тому всякой, не оскорбивъ своего честолюбїя, могъ отправлять торги по желанїю. Отъ самыхъ моихъ нѣжныхъ лѣтъ назначили меня въ монахини. Не успѣла я увидѣть свѣтъ, какъ уже родители мои опредѣлили меня принесть въ жертву старшему моему брату, которому чрезъ то желали оставить довольное наслѣдство. На 10 году заключена я была въ монастырь, въ которомъ пять лѣтъ и жила безвыходно. На конецъ пришедъ въ такой возрастъ, что могла отъ свѣта отрещися. Услышала на то соизволенїе моихъ родителей. Они говорили, что состоянїе ихъ дѣлъ не позволяетъ мнѣ дать такое приданое, какого честь ихъ требуетъ, и сего весьма довольно было къ преклоненїю меня

на ихъ мнѣнїе. Находяся всегда въ заключенїи, имѣла я столь слабое понятїе о прїятностяхъ свѣтской жизни, что безъ дальнаго размышленїя согласилась оставить оную, и слѣпо слѣдуя ихъ наставленїямъ, обѣщала вздѣть на себя монашескую ризу.

По семъ взяли меня изъ монастыря для показанїя мнѣ нѣкоторыхъ рѣдкостей, которыхъ всѣ дѣвицы, подъ искусомъ находящїяся, съ матерьми своими смотрѣть ѣздять. Предъ совершеннымъ оныхъ заключенїемъ обязаны они по силѣ обыкновенїя, начавшагося отъ давнаго времяни, въ Провансѣ сдѣлать путешествїе въ святую *Боме*, такъ называется одна гора, гдѣ находится церьковь во имя святой Магдалены, о которой думаютъ, что она скончалась на семъ мѣстѣ. Я должна была какъ и всѣ прочїе сдѣлать сїе путешествїе, и осмотрѣвъ одно зданїе, въ которомъ, по увѣренїю, сїя святая имѣла жительство, какъ и всѣ другїя мѣста, изъ которыхъ каждое знаменито

какимъ ни есть чудомъ, кое корыстолюбивые сельскіе монахи съ прибавкою всякому проповѣдуютъ, возвратилась я въ тотъ постоялый домъ, гдѣ оставлена была наша коляска. Увы! я совсѣмъ не помышляла о томъ, что со мною въ ономъ могло воспослѣдовать. Мысли мои единственно наполнены были святостію мѣстъ сихъ. Мнѣ уже хотѣлось нетерпѣливо заключася въ монастырь подражать богоугоднымъ дѣламъ сей преподобной молитвенницѣ, которой уединенное жилище я осмотрѣла; но любовь въ самое то время, насмѣхаясь моей набожности, желая торжествовать надъ такимъ сердцемъ, въ которомъ оная была совсѣмъ невѣдома.

Г. Бурсетъ съ нѣкоторыми пріятелями также находился въ семъ мѣстѣ. Ихъ было четверо, и думаю, что болѣе любопытство, нежели набожность, побудило ихъ посѣтить святую Боме. Лишь только увидѣли они, что мы съ горы сходили, то не медля ни мало съ учтивостію просили позволенія

свести насъ съ оной. Одинъ изъ пріятелей господина Бурсета подалъ руку моей матушкѣ, самъ же онъ достался мнѣ. По многимъ постороннимъ разговорамъ сказалъ онъ: что съ самой той минуты, какъ меня увидѣлъ, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторое движеніе, котораго причины не могъ постигнуть. Что касается до меня; то и я, слушая слова его, наполнена была такимъ удовольствіемъ, каковаго еще никогда въ себѣ не ощущала. Продолжая безпрерывно разговоръ свой, наговорилъ онъ мнѣ тысячу учтивостей по обыкновенію всѣхъ молодыхъ щоголей. Признаться должно, что сіи слова хотя и въ перьвые коснулись моему слуху, однако весьма его прельстили. Я безъ досады слушала, что меня называли прекрасною и прелестною; понеже таковыя выраженія ласкали моему тщеславію, да еще и удивлялась тому, что такъ поздно меня о томъ увѣдомили.

Хотя я ничего не отвѣтствовала г. Бурсету; однако само есте-

естество дѣйствовало вмѣсто искусства, котораго я еще не имѣла. Противъ воли моей я усмѣхалась и нѣжно взирала на того, который прежде всѣхъ обьявилъ мнѣ власть очей моихъ. Однимъ словомъ: взоры мои ясняе всякихъ выраженій изображали мои мысли. Г. Бурсетъ изьяснилъ мнѣ послѣ всѣ сіи движенія, которыя любовь производила въ моемъ сердцѣ, и которыхъ можетъ быть бы я и теперь безъ него не знала. Но въ самое то время, когда я хотя и неумышленно поступала, не хуже всякой свѣтской щеголихи, не примѣтила того, что глаза притивъ воли моей всю тайну сердца моего обьявляли.

Между тѣмъ хотѣлось мнѣ, чтобы матушка медлѣннѣе съ горы сходила, и я съ огорченіемъ приближалась къ тому постоялому дому, въ которомъ мнѣ съ г. Бурсетомъ разлучиться надлежало. Но любовь не довольствуясь тѣмъ еще, совершеннѣйшую побѣду надо мною одержать хотѣла. Сіи господа вѣдая, что въ посто-

ялом

ялом дворѣ ничего съѣстнаго найти было не можно, просили матушку покушать пирога, которой они въ сіе уединенное мѣсто привезли съ собою.

Труды, которые мы понесли, обходя всѣ помянутыя мѣста, произвели въ насъ небольшой голодъ, а понеже время уже приближалось къ полудню, а намъ еще должно было мили двѣ ѣхать до того мѣста, гдѣ мы думали обѣдать; то матушка не много отговариваясь приняла ихъ предложеніе. Она только знала сихъ господъ, которые всѣ имѣли жительство въ Марселїи, и по тому не употребили противъ оныхъ излишнихъ учтивостей. Что надлежитъ до меня, то я хотя и въ семъ же самомъ городѣ родилась, гдѣ жилъ г. Бурсетъ, однако его никогда не видала, и будучи всегда заключена въ монастырѣ, едва и самыхъ ближнихъ своихъ родственниковъ знала.

Во время обѣда любовь наполняла ядомъ мое сердце, которое прельстившись наружною его прія-

ятностїю, не могло онымъ насытиться. г. Бурсетъ, какъ и я, совершенно лишился вольности, и мы взаимно другъ у друга сердца похитили, не воображая себѣ, что бы изъ сего величайшїя наши несчастїи могли родиться. Матушка между прочимъ сказала симъ господамъ, что я прїуготовляюсь быть монахиней. Сїе извѣстїе смертельнымъ ударомъ поразило г. Бурсета, и я довольно примѣтила, что онъ отъ сего пришелъ въ несказанную задумчивость. Послѣ обѣда лишь только матушка нѣсколько отъ насъ удалилась, то онъ съ смущенїемъ подошедъ ко мнѣ говорилъ: какъ государыня, вы назначены проводить вашу жизнь въ уединенїи и съ толикимъ богатствомъ и красотою погрести себя въ стѣнахъ монастырскихъ. Я была столь чистосердечна, что считала за долгъ открыть г. Бурсету истинныя причины, принуждающїя меня сдѣлать монахиней. Вы ошибаетесь, государь мой,

мой, отвѣтствовала я ему, когда думаете, что я богата; понеже матушка говаривала мнѣ многократно, что по причинѣ дурныхъ нашихъ обстоятельствъ, нѣтъ для меня ничего полезнѣе монастыря. Я еще почти совсѣмъ не свѣдома о пріятностяхъ свѣтской жизни, и потому безъ дальнаго огорченія я оставляю; но при всемъ томъ чувствую, что я бы не учинилась никогда монахиней, когда бы не повелѣвали сего мои родители.

Сей чистосердечный разговоръ открылъ довольно г. Бурсету свойство моего сердца и чинимое мнѣ насиліе. Оное паче усугубило страсть его, и онъ твердо вознамѣрился исторгнуть меня изъ сей неволи, какъ скоро только соглашусь я принять его услуги: но при всемъ томъ не осмѣлился въ первое наше свиданіе открыть мнѣ свои намѣренія, опасаясь раздражить меня неумѣренною поспѣшностію. Онъ не преминулъ однако мнѣ сказать, что многіе изъ извѣстныхъ людей въ провинціи,

цїя, сочли бы за величайшее себѣ счастїе, когда бы могли получить меня въ супружество. Я не смѣю, продолжалъ онъ, полагать себя въ число оныхъ; но когда бы я зналъ, что . . . . Въ сїе время возвращенїе матушки принудило его прервать рѣчь свою. Хотя г. Бурсетъ и не могъ окончать оной, однако на глазахъ его написано было все то, что онъ мнѣ желалъ сказать, и я сколь не искусна была въ семъ родѣ разговоровъ; однако любовь довольно просвѣтила разумъ мой къ познанїю его мыслей. Я устремила на него на конецъ мои взоры, и не вѣдая сама что дѣлала, обѣщала ему оными все то, что онъ токмо могъ желать.

На конецъ настала та минута, которая меня всего болѣе ужасала. Мы сѣвъ въ коляску, оставили въ постоялομъ дворѣ сихъ господъ. Матушка приписывала великую похвалу ихъ учтивствамъ; а мое сердце подтверждая оную, относило ее мысленно къ единому Бурсету. Въ сїе время я

вЪ первый разЪ почувствовала смущенїе сердечное, которое прежде знала токмо по одному названїю. ОбразЪ сего любезнаго человѢка всюды за мною слѢдовалЪ. Ни нощная темнота, ни различные предмѢты, посреди дня видимые, не могли его истребить изЪ моихЪ мыслей. Монастырь уже былЪ для меня несносенЪ, и я всячески старалась удалить тотЪ день, вЪ который должна была вЪ него возвратиться. Я уповала еще хотя разЪ увидѢть того, который присутствовалЪ безпрестанно вЪ моемЪ сердцѢ, и всего болѢе старалась скрыть печаль мою отЪ матушки. МожетЪ быть, говорила я сама себѢ, она примѢтя оную подумаетЪ, что я, обращаясь между людьми, начинаю скучать монастырскою жизнїю; и по тому конечно постарается поскорѢе удалить меня отЪ глазЪ своихЪ.

Между тѢмЪ сколько я предосторожностей ни предпринимала, чтобы не подать ни малѢйшаго о себѢ подозрѢнїя; однако приближался

жался уже тотъ несносный день, въ который мнѣ возвратиться въ монастырь надлежало. Восемь дней оставалось мнѣ токмо жить въ свободѣ, и я уже и послѣдней надежды лишена была; но въ одинъ день, поспѣшая въ церьковь по обыкновенію, увидѣла я г. Бурсета, пришедшаго туда же.

Онъ имѣлъ на себѣ видъ совсѣмъ отмѣнной противъ прежняго. Унылое лице не имѣло болѣе своего цвѣта, а въ томныхъ глазахъ не видно было того пламени, которымъ они на предъ сего блистали. Въ величайшемъ смущеніи приближась ко мнѣ говорилъ онъ: не прогнѣвайтесь государыня, что нанесчастнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ избралъ сію минуту къ своему утѣшенію. Не въ суетныхъ увѣреніяхъ хочу я препроводить сіе краткое время, которое милосердое небо мнѣ даровало. Я знаю, продолжалъ онъ, что вы чрезъ восемь или десять дней учинитесь монахиней; знаю, что вы на всегда свѣтъ оставляете; а я плѣнникъ

вашихъ прелестей, съ той самой минуты, какъ васъ увидѣлъ, пришелъ вамъ донести, что иду на край свѣта искать смерти, которая бы избавила меня отъ всѣхъ несчастій, причиненныхъ мнѣ любовію. Все къ отъѣзду меня принуждаетъ. Въ Индіи можетъ быть я найду то спокойствіе, котораго сдѣсь не обрѣтаю. Можетъ быть въ другой части свѣта болѣе, нежели въ сей, найду для себя счастія

Сіи слова привели меня въ величайшее удивленіе, а унылый видъ г. Бурсета, его изъясненіе, болѣе же всего скорый и неожидаемый отъѣздъ сдѣлали совсѣмъ безгласною. Я токмо что взирала съ прискорбіемъ на моего любезнаго, не могши ему выговорить ни слова. Смущеніе мое подало ему поводъ изъясниться откровеннѣе. Я искалъ болѣе трехъ недѣль, говорилъ онъ мнѣ, всевозможнаго средства открыть вамъ мои чувствіи. Я видалъ, что вы съ матушкою со двора хаживали, и бывая въ одномъ близ-

комъ

комъ домѣ отъ вашего, изъискивалъ ту минуту, въ которую бы васъ безъ свидѣтелей могъ видѣть. Мнѣ сказывали, что вы иногда безъ товарищей въ церьковь ходите, и въ самое то время, когда я считалъ себя лишеннымъ всей надежды, нашелъ столь долго желаемый мнѣ случай. Не прогнѣвайтесь, государыня, что я онымъ пользуясь, открываю вамъ нѣжнѣйшую и чистосердечнѣйшую любовь. Смѣлость моя не должна огорчить васъ; понеже недостало силъ моихъ сопротивляться владычествующей мною страсти; и ежели вы оную опорочите, то я не для иного чего сюда пришолъ, какъ токмо на всегда проститься съ вами. Изъясненїе ваше меня не раздражаетъ, а огорчаетъ паче всего вашъ отъѣздъ, сказала я ему, не помышляя ни мало о силѣ словъ моихъ, и ахъ! признаюсь вамъ, продолжала я, что не могу безъ сожалѣнїя вообразить себѣ, что вы удаляетесь отъ вашего отечества. Не успѣла я еще окончить сего не-

разумнаго признанія, какъ увидѣла свой проступокъ; но уже мнѣ не возможно было скрыть моего смущенія. Стыдъ, произшедшій отъ того, что выговорила много излишняго, усугубилъ мое замѣшательство. Г. Бурсетъ съ удовольствіемъ примѣчалъ всѣ движеніи во мнѣ произходящія. Довольное его искуство въ обхожденіи, а паче откровенное и неспособное къ притворству мое сердце понуждало его воспользоваться симъ случаемъ. Ежели то правда, говорилъ онъ, что вы принимаете участіе въ жизни несчастнаго, когда отъѣздъ его васъ трогаетъ, позвольтежъ мнѣ надѣяться, что я когда нибудь вамъ буду не противенъ. Не могу требовать я сердца вашего; но прошу токмо позволенія стараться приобрѣсть оное моими услугами. Но государь мой, отвѣтствовала я ему, она уже не въ силахъ исторгнуть меня изъ того состоянія, въ которое я назначена; понеже я въ восемъ или десять дней совершенно въ монастырь заключе-

ключена буду. Какая же вамъ по сему надежда остается? Ни что не возпрепятствуетъ, отвѣтствовалъ г. Бурсетъ, какъ скоро вы помогать мнѣ согласитесь, что единственно въ вашей будетъ волѣ учинить меня наисчастливѣйшимъ человѣкомъ; прикажите токмо мнѣ обо всемъ стараться. Позвольте мнѣ съ вами на каждый день видѣться; я уповаю несумнѣнно перемѣнить участь вашу, прежде нежели приспѣетъ время къ вашему постриженію. Ежели то такъ, отвѣтствовала я, то дарую вамъ на все мое согласіе. Не вѣдаю достоинъ ли хулы или нѣтъ сей поступокъ; но признаюсь вамъ, продолжала я, что съ самаго того часа, какъ васъ увидѣла, монастырь сдѣлался мнѣ столь противенъ, что я день моего постриженія днемъ смерти почитаю. Все то, что сердце влагало въ уста мои, было столь нѣжно и откровенно, что г. Бурсетъ плѣнился моимъ чистосердечіемъ, и разставаяся клялся мнѣ съ нова вѣчною любовію. Яжъ столь много ощуща-

ла удовольствія, принимая его клятвы, что ежели бы онъ вздумалъ у меня похитить оныя, то я бы послѣ сего не захотѣла жить на свѣтѣ.

Съ сего дня единая любовь всѣми моими дѣйствіями управляла. Я уговорилась съ г. Бурсетомъ видаться на каждый вечеръ и разговаривать посредствомъ одного низкаго окна на улицу. Въ сей же самый день было перьвое наше свиданіе. Онъ мнѣ неизчетными клятвами утверждалъ все то, о чемъ говорилъ въ церьквѣ; и сей разговоръ былъ для меня столь прелестенъ, что я продолжала его всякой разъ съ вечера до самаго разсвѣта, и удалялась отъ окна для того только, чтобы кто не увидѣлъ г. Бурсета на улицѣ.

Мы видались нѣсколько дней безъ всякой перемѣны нашихъ обстоятельствъ. Нечувствительно дѣлала я привычку слышать, что меня другіе страстно любятъ; но посреди самыхъ сладчайшихъ размышленій, нѣкоторое внутреннее безпокойство принуждало меня опасаться,

саться, чтобы судьба, даровавшая намъ сїе удовольствїе, не потребовала за оное величайшей платы. Г. Бурсетъ примѣчая, что мое спокойствїе прерываемо иногда было неизвѣстнымъ ему смущенїемъ, спрашивалъ меня о причинѣ онаго. Узнавъ же оную, хотя и старался опровергать ее предо мною; однако въ самомъ дѣлѣ и самъ не менѣе моего о томъ безпокоился. Между тѣмъ старалась я притворною моею болѣзнїю отдалить день моего постриженїя на нѣкоторое время. Мой любезный, желая онымъ воспользоваться, старался съ помощїю своихъ родственниковъ получить меня въ супружество, и на конецъ, чтобы испровергнуть всѣ препятствїя, соглашался взять меня безъ всякаго приданаго.

Мои родители конечно согласились бы на сїе полезное предложенїе, когда бы не препятствовала благополучїю моему безразсудная любовь къ старшему ихъ сыну. Они опасались конечно, чтобы мой супругъ не захотѣлъ когда нибудь

 возпре-

возтребовать чего по праву своему, и тѣмъ бы не причинилъ суетъ и убытку ихъ единому наслѣднику, старшему моему брату. Требованїе г. Бурсета не токмо было отвергнуто, но еще понудило матушку не медля ни мало отправить меня въ монастырь. Статься можетъ, что она подозрѣвала меня нѣсколько въ согласїи съ г. Бурсетомъ, или избѣгая единственно впредь таковыхъ предложенїй, немедлѣнно разстаться со мною вздумала. Я ни мало о семъ не думая получила повелѣнїе, не мѣшкавъ возвратиться къ монахинямъ. Надлежало повиноваться; и колико горести я ни ощущала, однако принуждена была скрывать оную отъ матушки.

Подумай, любезная Россалина, въ какой я грусти находилась, поѣхавъ заключить себя въ мою могилу, не простясь съ г. Бурсетомъ и не увѣдомивъ его о своей участи. Лишь только прибыла я въ монастырь, то немедлѣнно удалясь въ свою комнату, предала себя совершенному отчаянїю. По-

что

что выходила я изъ сего уедине-
нія? говорила такъ сама себѣ. О
пагубная ѣзда въ святую Боме! Безъ
тебя бы протекали дни мои въ
спокойствіи. Увы! когда бы я не ви-
дала г. Бурсета; то конечно бы не
испытала надъ собою сея жестокія
страсти! Онъ принудилъ меня уз-
нать могущество любви, которая
лишила меня на всегда спокойствія.
Презлобная судьба! Любить и не
имѣть надежды увидѣть того,
кого любимъ? Теперь я на всегда
съ нимъ разлучена. Когда онъ
за нѣсколько дней предъ симъ клял-
ся предо мною вѣчною любовію, мо-
гла ли я тогда подумать, что на
него въ послѣдній разъ взираю!
Суровые родители! за что прино-
сите меня въ жертву моему бра-
ту? Не ваша ли кровь въ жилахъ
моихъ обращается? Не вы ли бы-
тіе мнѣ даровали? Когда то такъ,
дайте же мнѣ свободу, и оставте
мнѣ на произволъ разполагать со-
бою. Когда я ваша дочь, по что
не внемлете вы гласу природы, и
изъ родителей претворяете себя въ

 лютѣй-

лютѣйшихъ моихъ гонителей? Знайте же, что я какъ скоро не обрѣтаю въ васъ ни малѣйшаго къ себѣ милосердія, то перестаю быть и вашею дочерью.

Нѣсколько дней находилась я въ крайней задумчивости, и монахини почти меня не узнавали. Они видали прежде безпрестанно бодру и равнодушну; но возвратясь въ послѣдній разъ въ монастырь съ трудомъ вступала я и въ самые нужнѣйшіе съ ними разговоры. На всякой день усугублялось мое смущеніе; понеже время постриженія приближалось. Кажется, что мнѣ недождавши онаго умереть съ печали надлежало. По всѣмъ членамъ моимъ начала уже нѣкоторая смертоносная слабость разливаться, и какъ я совершенно отчаялась въ моей жизни, то оная совсѣмъ неожидаемымъ случаемъ возобновилась паки. Одна монастырская служанка вошедъ нѣкогда въ мою комнату и въ великомъ замѣшательствѣ приближась ко мнѣ говорила такъ: мнѣ поручено, государыня, вручить

вручить вамъ письмецо. Я не знаю отъ кого оное послано; понеже братъ мой, отдавая мнѣ его сказалъ, что ежели я оное вамъ вручивъ принесу ему на то отвѣтъ, то тѣмъ сдѣлаю его величайшее счастїе. Я надѣюсь, продолжала она, что вы предадите молчанїю моему смѣлость, безъ чего конечно выгонятъ меня изъ монастыря: въ прочемъ увѣряла меня, что сїе письмо не сдѣлаетъ вамъ огорченїя.

Тайное предчувствованїе написало радость на лицѣ моемъ, и тѣмъ вывело служанку изъ смущенїя. Подай мнѣ сїе письмо, сказала я ей, и будь увѣрена о моей скромности. Она вручила мнѣ оное и я съ трепещущими руками разпечатавъ нашла въ немъ слѣдующее.

Не знаю, прекрасная Юлїя! такїя ли вы чувствуете горести, какїя я съ самаго того времяни, какъ вы въ монастырь возвратились. Два дни не вѣдалъ я, что вы находитесь въ неволѣ, и не находя васъ у окна, подумалъ, что вы не весьма были здоровы. Въ сей оши-

бкѣ до тѣхъ поръ я находился, пока свирѣпый рокъ всѣ совокупилъ силы къ пораженїю меня извѣстїемъ о вашемъ заключенїи. Теперь лишь только воображу себѣ, что я самъ причиною толь скорой разлуки нашей, то горесть моя отъ того усугубляется ежечасно. Но увы, дражайшая Юлїя! могъ ли я подумать, чтобы суровые родители ваши отреклися васъ отдать въ супружество человѣку довольно богатому и нетребующему при томъ ни малѣйшаго приданаго. Не ужъ ли вы послѣ сего обожать еще будете тѣхъ, которые столь мало достойны называть васъ своею дочерью; и когда они умерщвляютъ всѣ правы естества, не ужъ ли вы будете имѣть слабость жертвовать себя ихъ скупости и безразсудному честолюбїю. Ежели то правда, что я былъ нѣкогда вамъ непротивенъ, ежели вы меня и теперь сколько нибудь любите; то отъ вашего повелѣнїя зависитъ наше счастїе. Я удержалъ одно судно, находившееся въ

готовности отвалить отъ берега.
Вамъ весьма удобно будетъ выйти изъ монастыря помощїю той служанки, которая вамъ вручитъ сїе письмо. Вы можете на оную во всемъ положиться; понеже братъ ея мнѣ совершенно преданъ. Ежели счастїе не возпрепятствуетъ нашимъ предпрїятїямъ; то мы совокупимся законнымъ бракомъ въ Италїи. Отвѣтъ вашъ, прекрасная Юлїя! опредѣлитъ мнѣ смерть или животъ. Безъ васъ я не могу жить на свѣтѣ; а вы лишъ только захотите, то наисчастливѣйшимъ человѣкомъ меня учинить можете.

Признаюсь вамъ, что сїе письмо произвело во мнѣ намѣренїе повиноваться совершенно воли моего любовника. Жестокосердїе моихъ родителей, которые безъ всякаго убытка могли бы дѣлать меня счастливою, когда бы токмо захотѣли, столь чувствительно меня тронуло, что я бы оставила сей монастырь въ отмщенїе ихъ нечувствительности, хотя бы любовь сегожъ самаго учинить мнѣ и не повелѣвала.

велѣвала. Съ величайшимъ восхищенїемъ стократно цѣловала я письмо сїе, изъ чего служанка примѣтила довольно, что она мнѣ онымъ толико же учинила удовольствїя, сколько братъ ея господину Бурсету. Я уговорилась съ ней, какимъ образомъ изъ монастыря выйти надлежало, и потомъ обѣщала взять ее съ собою въ Италїю, наградить по важности оказанной ею намъ услугѣ. Такимъ образомъ предпринявъ съ сею служанкою всѣ мѣры, положила я на нее отнести слѣдующее письмо къ моему любовнику.

Не сумнѣваюсь, что вы меня любите, и полагаясь на ваше чистосердечїе, предаю себя совершенно въ вашу волю. При всѣхъ моихъ несчастїяхъ сочту себя счастливою, нашедъ въ васъ нѣжнаго супруга, который мнѣ вмѣсто всего будетъ. На семъ основанїи токмо кажется, что мнѣ простительно за вами слѣдовать. Я избѣгаю неволи; и потому столько же виновна, сколько всякой плѣнникъ, разрывающїй свои оковы. Зная, что вы безъ притвор-

ства

ства меня любите, твердо въ томъ увѣрена, что не употребите во зло моего простосердечія и власти, которую я вамъ даю надъ собою. Ежелижъ вы возтребуете отъ меня чего нибудь противнаго моей чести, то тѣмъ принудите прибѣгнуть ко всякой крайности. И такъ пользуйтесь правами, которыя я вамъ даю надъ собою, съ такою же умѣренностію, какую я всегда въ васъ примѣчала. Назначте мнѣ токмо время и мѣсто къ нашему свиданію; то я безъ сумненія такъ выйду изъ монастыря, что того никто не примѣтитъ. Вы можете съ сею же служанкою, которая вручитъ вамъ мое письмо, отписать ко мнѣ обо всѣхъ вашихъ намѣреніяхъ, и въ прочемъ ни о чемъ не безпокоиться. Я надѣюсь, что счастіе благопріятствовать будетъ нашей любви, и понеже меня ни въ чемъ еще не подозрѣваютъ, то весьма удобно будетъ обмануть мнѣ всѣхъ монахинь.

Я отдала Марьѣ [такъ называлась служанка] сіе письмо, и обѣща-

ла

ла ей снова за всѣ труды довольное награжденіе. Она же напротивъ того принявъ сіе обнадеживаніе, хотѣла всѣмъ жертвовать моимъ услугамъ, и была весьма увѣрена въ справедливости моихъ обѣщаній, понеже уже получила и прежде сего нѣкоторые знаки щедрости господина Бурсета, купно съ ея братомъ.

Лишь только я осталась на единѣ, то ожидая отвѣта отъ г. Бурсета погрузилась въ сладчайшія размышленія. Признаюсь, любезная Россалина! что жестокость моихъ родителей совсѣмъ истребила во мнѣ угрызеніе совѣсти, которое бы побѣгъ мой произвести былъ долженъ. Мыслямъ моимъ представлялись токмо увеселенія, которыми я увидя г. Бурсета наслаждаться буду. Мнѣ казалось, что уже вижу его обѣщающа мнѣ вѣчную горячность, и слышу его рѣчи, наполненныя нѣжностію. Чего мнѣ желать болѣе, говорила я, когда съ нимъ на всегда сопряжена буду. О судьба! не прекрати своихъ

благодѣяній, которыхъ мнѣ столь лестное начало теперь являешь.

Посреди сихъ размышленій, нетерпѣливость имѣть отвѣтъ отъ г. Бурсета меня тревожила. Не ужели, помышляла я, сія служанка, говорившая столь много о своемъ ко мнѣ усердіи, полѣнилась попроворнѣе исполнить мое повелѣніе? Она не возвращается; и такъ не ужели могла она подумать о измѣнѣ. Я начинала уже нѣсколько безпокоиться, какъ она проходя два часа возвратилась съ слѣдующимъ письмомъ.

Вы возводите меня на высочайшую степень счастія, прекрасная Юлія! и я имѣя надежду обладать вами, ничему въ свѣтѣ незавидую. Будьте увѣрены, что я во всякое время имѣть къ вамъ буду какъ любовникъ совершеннѣйшее почтеніе, и какъ супругъ нѣжнѣйшую горячность. Я чувствую все то, чемъ вамъ обязанъ; и такъ можете ли сомнѣваться въ моей честности. Сколько бы сильна страсть моя ни была; однако она останет-

ся

ся всегда въ предѣлахъ самаго строгаго воздержанія. Не опасайтесь ничего, дражайшая Юлія, вечеру въ 10 часовъ, когда заснутъ всѣ монахини, я буду находиться у дверей сада монастырскаго. Служанка, принесшая ваше письмо, увѣрила меня, что она получитъ удобно ключь отъ дверей онаго, и что вы по сему безъ всякаго помѣшательства изъ монастыря выпти можете. Все готово къ нашему отъѣзду, и какъ лишъ скоро захотимъ, то корабль немедлѣнно отвалитъ отъ берега. Оставайтесь въ прочемъ въ покоѣ, прекрасная Юлія, и представте токмо себѣ, съ какою я нетерпѣливостію приближенія ночи ожидаю.

Я послѣдовала во всемъ наставленію г. Бурсета. Служанка получила ключь отъ дверей сада монастырскаго, не подвергувъ себя ни малѣйшему подозрѣнію; понеже она для различныхъ надобностей монахинь принуждена бываетъ часто выходить изъ монастыря. Лишь только минуло 10 часовъ вечера, то вышла я съ нею на дворъ, и отту-

да

да вошедъ въ садъ, отворила дверь онаго съ величайшею осторожностїю; понеже самый малѣйшїй шумъ могъ бы весь монастырь встревожить: но по особливому счастїю никто умысла нашего не примѣтилъ. Мы нашли тотъ часъ г. Бурсета, который насъ ожидалъ на улицѣ. Удовольствїе видѣть себя соединенныхъ препятствовало намъ другъ другу сообщить то, что чувствовали сердца наши. Одна рѣчь перерывала другую и уста наши едва могли произнести всѣ слова въ него стремящїяся. Въ семъ сладкомъ замѣшательствѣ единыя вздохи и нѣкоторыя неполныя слова показывали взаимную нашу горячность, и подлинно могу сказать, что она предѣловъ не имѣла; понеже пятнатцатилѣтнее время нашего брака не могло ни мало уменьшить оную.

Не медля ни мало по семъ мы сѣли на судно. Г. Бурсетъ предвидя все, что намъ потребно было, заблаговременно приуготовилъ оное. Служанка, которая мнѣ въ побѣгѣ

помогала,

помогала, хотѣла чтобы я ее взяла съ собою. Она вѣрно зная, что мой уходъ изъ монастыря произведетъ въ ономъ великое замѣшательство, думала, что ее первую подозрѣвать будутъ въ подаянiи мнѣ помощи. Я исполнила ее прошенiе, и на конецъ была тѣмъ весьма довольна; понеже она въ послѣдованiи великую мнѣ пользу приносила.

Два дни погода была весьма изрядная, и мы надѣялись уже скоро прибыть въ Генуу городъ, который избралъ г. Бурсетъ мѣстомъ нашего убѣжища; но вдругъ поднялся пресильный вѣтръ, за которымъ слѣдовала ужасная буря. Казалось, что молнiя каждый мигъ устремлялась запалить наше судно, учинившееся игралищемъ волнъ. Кормщикъ не могъ болѣе управлять онымъ; различные вѣтры оказывали попеременно свою ярость, а гладкая поверхность водъ представляла высокiя горы и ужасныя стремнины. На конецъ буря столь усилилась, что матрозы,

лишив-

лишившись всей надежды, вздумали для спасенія своей жизни судно посадить на мѣль при берегахъ Савонскихъ. Между тѣмъ всякой выбрасывалъ весь грузъ корабельной въ море, одни только сундуки г. Бурсета сохранены были, или изъ почтенія къ нему, или находясь въ самомъ сокровенномъ мѣстѣ судна, никому въ замѣшательствѣ не попались.

Во время общаго всѣхъ сокрушенія глаза мои отъ слезъ не осыхали. Собственная моя смерть не столько тревожила духъ мой, сколько погибель моего любовника. Я причиною вашего несчастія, говорила ему. Увы! когда бы вы меня не знали, не были бы вы и злополучны. Немилосердый рокъ! почто опредѣлилъ ты видѣть взаимно кончину нашу. Г. Бурсетъ нѣжно сжимая мои руки, старался меня утѣшить. Успокойся, прекрасная Юлія, говорилъ онъ, скоро увидимъ окончаніе сей бури, показывается уже берегъ, и намъ не будетъ ни малой опасности на томъ мѣстѣ,

тѣ, гдѣ опредѣлено посадить на мѣль наше судно. Однимъ словомъ: онъ употреблялъ всѣ способы къ истребленію моего страха, и хотя въ такомъ же былъ отчаяніи, какъ и я, однако видя меня въ ономъ и опасаясь встревожить еще болѣе смущенное мое сердце, принималъ на себя видъ самый спокойный Я онымъ притворствомъ столь ободрена была, что опасность нашу ни въ полы столь велику не считала, какъ она была въ самомъ дѣлѣ, о чемъ я обстоятельно узнала послѣ.

На конецъ небо умилосердясь надъ нами опредѣлило прекратить наше бѣдствіе. Часа три или четыре боровшись съ смертію, увидѣли мы, что наше судно не въ дальности отъ берега сѣло на мѣль. Стремленіе волнъ и сила вѣтра были столь велики, что они взгоня его на ужасную песчаную гору, какъ казалось, могли въ мѣлчайшія щепы разсыпать оное. Матрозы увидя, что никакихъ скрытыхъ камней въ водѣ не было, по-

спѣшали одну шлюбку спустить на воду. Нѣкоторые изъ нихъ перевезли г. Бурсета и меня на берегъ, а протчїе остались въ суднѣ, для сохраненїя онаго.

Буря продолжалась послѣ сего еще цѣлый день, на конецъ мало по малу море успокоилось; и мы, взявъ наши сундуки изъ судна, поѣхали сухимъ путемъ въ Генуу, отъ которой еще въ пятнатцати миляхъ находились.

По прибытїи въ сей городъ пошли мы немедлѣнно упасть къ стопамъ Архїепископа. Бурсетъ, изъяснивъ ему причины нашего побѣга, просилъ благословенїя на наше бракосочетанїе. Онъ благосклонно выслушавъ наши прозьбы, приказалъ намѣстнику своему насъ обвѣнчать. Лишь только отправлены были всѣ надлежащїе къ сему обряды, то г. Бурсетъ писалъ объ ономъ къ моимъ родителямъ, прося ихъ о забвенїи нашего преступленїя, и обѣщаясь отказаться на всегда отъ всѣхъ правъ моихъ.

Мы надѣялись, что родители мои, не имѣя уже средства препятствовать моему браку, легко согласятся упустить мой проступокъ: но они о томъ и думать не хотѣли, а провѣдавъ чрезъ письмо моего супруга о мѣстѣ нашего пребыванія, такъ же и о бракѣ нашемъ, взнесли жалобу на него, яко похитителя ихъ дочери, въ парламентъ города Э. По опредѣленію онаго бракъ нашъ уничтоженъ, а супругу моему надлежало на ешафотѣ потерять голову. Въ слѣдствіе сего описали все его имѣніе, и мы остались въ чужой странѣ, поссорясь съ своими ближними, потерявъ надежду когда нибудь возвратиться во Францію, и лишась въ оной знатнаго имѣнія. Я думала, что не въ состояніи буду понести сего послѣдняго несчастія. Бѣдствія моего супруга, которыхъ я единая была причиною, приводили меня въ отчаяніе, и чѣмъ казался онъ спокойнѣе, тѣмъ болѣе я страдала, помышляя, что столь нѣжная любовь и столь рѣдкая бодрость ду-

ха обременены были неисчетными почти злоключенїями.

Представляя себѣ наше состоянїе, я почти безпрестанно вѣ слѣзахъ утопала. Супругъ мой ни о чемъ такъ не старался, какъ о моемъ утѣшенїи. Мы счастливы, говорилъ онъ; понеже другъ друга равно любимъ, и пребудемъ всегда неразлучны. Когда я потерялъ мое имѣнїе, то тобою сугубо возвратилъ оное; и такъ не сожалѣй о моемъ несчастїи, прекрасная Юлїя! оно для меня стократно прїятнѣе того счастїя, въ которомъ я находился въ Марсельи, будучи въ разлукѣ съ вами. Сїи слова на нѣкоторое время услаждали мою горесть; но она вскорѣ по семъ начинала паки терзать мое сердце. Что съ нами возпослѣдуетъ, помышляла я, когда мы проживемъ то, что г. Бурсетъ привезъ съ собою. Онъ не менѣе моего о семъ безпокоился, хотя и увѣрялъ меня, что о томъ ни мало не помышляетъ. Служанка, которую я привезла съ собою, свидѣтельствуя самыя сокровен-

нѣйшія мои стенанія, дала мнѣ нѣкогда такой совѣтъ, которой предохранилъ насъ совершенно отъ бѣдности. Государыня моя, сказала она мнѣ однимъ днемъ, супругъ вашъ имѣетъ еще много денегъ: употребите ихъ въ торговлю. Имѣніе ваше не только не оскудѣетъ, но возрастетъ паче; и когда вы захотите потрудиться хотя нѣсколько, то никогда не будете имѣть причины опасаться бѣдности, которой одно воображеніе васъ столь тревожитъ. Я знаю, что вы не обыкли къ трудамъ купечества; но я постараюсь васъ замѣнить собою, и какъ скоро вы будете имѣть лавку, то я въ оной поведу весь надлежащей порядокъ.

Долго разсматривала я сей совѣтъ; но хотя мнѣ и несносно было предложить супругу моему изъ знатнаго дворянина учиниться купцомъ; однако въ нашихъ обстоятельствахъ надлежало истребить суетное тщеславіе, для промышленія необходимаго въ нашей жизни, въ чемъ бы мы безъ сего средства

въ послѣдованіи могли имѣть недостатокъ.

Мой супругъ принявъ съ удовольствіемъ сіе предложеніе, употребилъ свои деньги, какъ и нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, для покупки различныхъ товаровъ, и мы на конецъ изобильную во всемъ имѣли лавку. Г. Бурсетъ хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, однако на конецъ довольную привычку сдѣлалъ ко всѣмъ купеческимъ суетамъ и попеченіямъ: но теперь благодаримъ Бога, домашнія наши дѣла уже болѣе насъ не обременяютъ. Служанка, о которой я упоминала, помогала намъ въ перьвыхъ годахъ весьма много; но къ сожалѣнію нашему она умерла, нѣсколько уже тому времени. Супругъ мой и я любимъ другъ друга и по сихъ поръ съ такою же горячностію, какъ въ перьвый день брака нашего. Весьма немногимъ въ семъ городѣ извѣстно наше состояніе, и мы въ тишинѣ и умѣренности провождаемъ жизнь нашу. Родители мои не желаютъ со мною примириться;

ся; имѣнїе г. Бурсета находится подъ описью, и мы развѣ послѣ кончины моего батюшки надѣемся увидѣть паки наше отечество. Тогда, ежели моему супругу удастся изходатайствовать себѣ прощенїе, то мы возвратимся въ оное.

Графиня Дорїя, узнавъ наши обстоятельства чрезъ хорошихъ людей, просила родителей моихъ, чтобы предать забвенїю прошедшее; но они были вовсе непреклонны. Всѣ старанїя сей знатной госпожи, которую я истинною своею матерїю почитаю, только что болѣе меня въ томъ удостовѣрили, что я ничего не должна ожидать отъ жестокосердыхъ моихъ родителей.

Вотъ любезная Россалина повѣсть моихъ несчастїй. Не однѣ вы, какъ вамъ кажется, гонимы судьбиною, но не отчаявайтесь въ перемѣнѣ вашихъ обстоятельствъ. Я надѣюсь, что графиня Дорїя любя меня не оставитъ и васъ безъ помощи; въ прочемъ разпологайте моимъ домомъ, какъ вашимъ собственнымъ.

Рос-

Россалина чувствуя всѣ знаки дружества, которые г. Бурсетъ ей оказывала, благодарила оную наичувствительнѣйшимъ образомъ. Чѣмъ я вамъ не обязана! говорила она. Небо показало мнѣ довольно, сколь оно щедро въ подаянiи помощи несчастнымъ. Вы видѣли надъ собою подобныя моимъ несчастiи: разсуждайте же о моей къ вамъ благодарности по той, которую бы вы сами чувствовали, когда бы вамъ оказалъ кто толико чистосердечiя и благосклонности, колико вы мнѣ явили. Не вѣдая какая судьба мнѣ предоставлена. Но въ какомъ бы состоянiи я ни находилась, всегда однако буду съ удовольствiемъ воспоминать, что вы меня обязали болѣе тѣхъ, которые бытiе мнѣ даровали. Я никогда отъ васъ не слыхала, отвѣтствовала г. Бурсетъ, по какому случаю находились вы въ сей землѣ съ вашею матушкою. Могу ли я спросить, дражайшая Россалина, въ какомъ состоянiи находились ваши родители? Я прошу удоволь-

 ствовать

ствовать мое любопытство, ежели оно только не огорчитъ васъ напоминовенїемъ вашихъ злоключенїй. Увы! сказала на сїе Россалина, вы еще не вѣдаете прямаго моего нещастїя, а когда его узнаете совершенно; то я еще болѣе достойна буду вашего сожалѣнїя. Она обьявила по томъ г. Бурсетъ, что въ старухѣ не умертвили ея матери; на конецъ разсказала подробно о своемъ воспитанїи въ монастырѣ Венецїанскомъ и о совершенномъ незнанїи о своихъ родителяхъ. Я открываю вамъ, примолвила она, важнѣйшую мою тайну: но когда бы ее отъ васъ сокрыла, то тѣмъ бы преступила долгъ благодарности, которою вами неизреченныя благодѣянїя меня обязали.

Г. Бурсетъ удивляясь всему слышанному, думала, что ей удобно будетъ открыть родителей Россалины, когда они находятся въ городѣ Генуѣ. Она обѣщала освѣдомляться сама съ величайшею осторожностїю о всемъ томъ, что

бы

бы хотя малѣйшій путь къ сему открыло. Она такъ же упорно въ томъ стояла, что надлежитъ сію тайну открыть графинѣ Доріи; но Россалина на сіе не соглашалась. Мы неизвѣстны, говорила она, о причинахъ, которыя принудили моихъ родителей скрывать мое рожденіе. Можетъ быть ихъ польза требуетъ, чтобы тайна сія была сокрыта. Можетъ быть и то, что они не находятся совсѣмъ въ Генуѣ. Старуха мнѣ говорила, что я рождена въ Медіоланѣ. Уповательно, что въ сей городъ былъ кто нибудь посланъ, которой бы мнѣ обьявилъ, отъ кого я произхожу, и какая мнѣ участь предоставлена. Можетъ быть на конецъ, что жизнь моя и моихъ родителей зависитъ отъ моихъ поступокъ. По симъ то причинамъ я никому не открою того, что теперь вамъ любезная благодѣтельница повѣрила. Я васъ только прошу послать въ монастырь, въ которомъ меня воспитывали, извѣстіе о моихъ приключеніяхъ. Какъ скоро не увидятъ воз-

вращенія старухи тѣ, которые повелѣли меня взять изъ онаго, то они конечно будутъ писать къ монахинямъ, у которыхъ въ смотрѣніи я находилась; а они и могли бы оныхъ увѣдомить, что я нахожусь въ Генуѣ и въ вашемъ живу домѣ.

Г. Бурсетъ согласяся на мнѣніе Россалины, увѣдомила подобно монахинь о всѣхъ ея приключеніяхъ; при чемъ Россалина не преминула и сама писать о томъ же къ настоятельницѣ того монастыря.

Между тѣмъ любовь приуготовляла новыя безпокойства несчастной Россалинѣ. Она еще не вѣдала, какія терзанія чувствуетъ сердце подверженное сей страсти. Любовь по сіе время ей по одному имени только извѣстна была; но вдругъ оная всю свою силу къ пораженію Россалины истощила. Младой Пилигримъ *, который приха-

* Пилигримъ, странственникъ, который изъ набожности въ тотъ или другой монастырь или какое святое

прихаживалъ часто въ лавку г. Бурсетъ, возмутилъ спокойствїе души ея. Одежда его нѣсколько отмѣнна была отъ той, какую обыкновенно носятъ люди сего рода, и имѣла довольно прїятный видъ; шляпа же его и посохъ украшены были маленькими серебреными бляшками. Во Францїи сказали бы, что сей человѣкъ, не будучи истиннымъ Пилигримомъ, одеждою своею яко личиною прикрывается; но въ Италїи не можетъ таковой ни малѣйшаго произвести удивленїя или желанїя узнать истинное его состоянїе; понеже въ оной часто случается видать знатнѣйшихъ господъ, изъ набожности мѣшающихся между нищими и побродягами, и думающихъ освятить себя, сходивъ въ Пилигримской одеждѣ къ Лоретской богоматери. Въ семъ же случаѣ всего удивительнѣе было то, что помянутый Пилигримъ былъ

мѣсто для богомоленїя пѣшкомъ ходитъ.

Французъ, хотя и говорилъ весьма чисто по Италїански.

Россалина, которую всѣ считали родственницею г. Бурсетъ, бывала обыкновенно съ нею въ лавкѣ. Рѣдкой день не приходилъ въ оную младой Пилигримъ раза два или три. Онъ всегда въ чемъ нибудь имѣлъ нужду. Г. Бурсетъ въ короткое время съ онымъ познакомилась. Она чувствуя къ сему молодому человѣку нѣкоторую особливую склонность, принимала его всегда съ особливою учтивостїю; что случается весьма рѣдко въ Италїи, гдѣ всѣ купцы столько же будучи корыстолюбивы, сколько и въ Парижѣ, во сто кратъ бываютъ грубѣе и несноснѣе первыхъ. Таковые привѣтствїи понуждали младаго иностранца почаще навѣщать свою одноземку, такъ называлъ онъ г. Бурсетъ, и говоря ей о причинѣ своего пребыванїя въ Генуѣ, сказалъ, что ожидаетъ нѣкотораго своего прїятеля, съ которымъ по обѣщанїю, учиненному въ опасной болѣзни, надлежитъ имъ

Пили-

Пилигримами побывать въ Лоретте *. Г. Бурсетъ върила охотно всъмъ симъ разсказамъ, не въдая того, что въ самомъ дълъ любовь, а не иное что превратила его въ Пилигримы, устремивъ на передъ все его мысли къ обожанію Россалины. Онъ съ радостію готовъ бы былъ открыть ей истинныя чувствія своего сердца, когдабъ не опасался тъмъ огорчить оную. Ежели мое обьявленіе будетъ ей противно, помышлялъ онъ, то я на всегда лишусь удовольствія ея видъть; и такъ лучше наблюдать молчаніе, хотя оно мнъ и несносно. Но чего могу я надъяться отъ любви моей? Не знаемъ будучи въ сей землъ, въ которой мнъ не возможно долгое пребывать время, удаленъ будучи отъ

* Лоретта, городъ, лежащій въ Папской области. Извъстенъ болъе по невъроятному почти богатству, которымъ тамошняя церьковь пресв. Богородицы украшена, и по частымъ путешествіямъ, которыя римскіе католики въ сей городъ дълаютъ.

моихъ родственниковъ, и находясь въ необходимости укрывать себя почти отъ каждаго, чтобы не быть признану. Не довольно ли сего безпокойства, не обремѣняя сердца моего тяжкими любви оковами? Но еще мнѣ осталось время, призвавъ въ помощь слабой мой разсудокъ, возвратиться во Францію. Родитель ко мнѣ пишетъ, что тамъ брачное ложе меня ожидаетъ. Чего еще ожидаю я въ семъ мѣстѣ, гдѣ важныя причины принуждаютъ меня укрываться? Увы! сколько бы я былъ благополученъ, когдабъ за 10 дней предъ симъ выѣхалъ изъ Генуи. Не увидя Россалины наслаждался бы я всегдашнимъ моимъ спокойствіемъ: но ахъ! единая минута превратила видъ всѣхъ моихъ обстоятельствъ. Колико бы не укорялъ себя слабостію; вижу однако, что не могу удалиться отъ Россалины, которую съ самаго перьваго свиданія началъ любить страстно; каждый день усугубляетъ мою горячность, каждый мигъ, въ который ее вижу, налагаетъ на меня

новые

новые оковы, а мои разсужденія только что мнѣ доказываютъ безполезность оныхъ.

Россалина не спокойнѣе была младаго Пилигрима. Отъ чего сіе произходитъ, говорила она сама себѣ, что я всегда смущаюсь, когда вижу сего Француза! Противъ воли моей желаю слышать его разговоры. Когда же начинаю его разсматривать, то чувствую отъ того удовольствіе почти неописанное. Чтобы была за причина симъ движеніямъ души моей! Когда бываю на единѣ, то образъ его представляется безпрестанно моимъ мыслямъ; въ самое его отсудствіе кажется, что я черты лица его вижу, слушу его слова, а иногда и отвѣтствую на оныя. Увы! не помѣшался ли мой разсудокъ, или сіи колебанія моего сердца и безпокойствы онаго, не суть ли знаки овладѣвшаго мною нѣкотораго зла, которое отъ иныхъ любовію называется; не ужъ ли небо повергаетъ меня въ новое сіе несчастіе, и лишивъ меня родителей и всего почти

чти на свѣтѣ, кромѣ дружбы такой же нещастной, какъ и я, предаетъ сердце мое во власть мучительной сей страсти. Нѣтъ, нѣтъ, продолжала Россалина, смущенїе сердца моего не предвѣщаетъ мнѣ того, чего я опасаюсь: любовь не сотворена для людей толико злополучныхъ, какъ я.

Такимъ образомъ Россалина сама отъ себя скрывала страсть свою; а чтобъ истребить и малѣйшее смущенїе изъ своего сердца, то вознамѣрилась она убѣгать присутствїя младаго Пилигрима. Невидя его никогда у г. Бурсетъ, помышляла Россалина изгоню онаго изъ моихъ мыслей стократно удобнѣе можетъ быть, нежели онъ позабудетъ меня. . . . Но для чего желаю я, чтобы онъ воспоминалъ о мнѣ; статься можетъ, что въ самое то время, когда я о немъ столь много размышляю, онъ не вѣдаетъ, что я есмь на свѣтѣ? Кто знаетъ, что онъ обо мнѣ хотя единую минуту думалъ? Когда онъ бываетъ у г. Бурсетъ; то всѣ его учтивости къ

не

ней относятся. Едва удостоилъ онъ меня раза два или три поговорить съ собою, и такъ изъ чего же я могу заключить, что я хотя малѣйшее мѣсто занимаю въ его памяти. Но что мнѣ въ томъ, хотя онъ меня любитъ или ненавидитъ, хотя обо мнѣ помышляетъ или нѣтъ. Когда онъ будетъ разуменъ; то, послѣдуя моему примѣру, постарается меня убѣгать.

Любовь, владычествующая надъ сердцемъ Россалины, стократно перемѣняла въономъ свои виды. То во образѣ ненависти, то безпристрастія ежечасно умножала свою силу и утверждала побѣду младаго Пилигрима. При всемъ томъ Россалина, слѣдуя своему намѣренію, два дни принуждала себя убѣгать его присудствія, и когда онъ приходилъ къ г. Бурсетъ; то она всегда находила какія нибудь причины удаляться въ свою комнату.

Любовь бываетъ весьма прозорлива. Французъ удобно примѣтилъ притворство Россалины, но не зналъ, чему приписать оное; чѣмъ я ей досадилъ, говорилъ онъ, оказывая

зывая всегда глубочайшее почтенїе, даже до того, что принуждалъ глаза мои къ молчанїю. Хотя же я и взиралъ иногда на ея прекрасный образъ, однако никогда не выступалъ изъ надлежащаго воздержанїя и умѣренности. Чѣмъ же я могъ заслужить ея ненависть? Увы, я бы погибъ конечно, когдабъ открылъ ей, что душа моя подвластна ея прелестямъ.

Во время сихъ печальныхъ размышленїй Пилигримъ не могъ ни чѣмъ утѣшиться. Понеже я лишаюсь всей надежды, говорилъ онъ, и по тому не могу уже быть болѣе гонимъ судьбиною, то облехчу по крайней мѣрѣ мои горести, открывъ ихъ той, которая произвела оныя. Любовь безъ надежды на все отважиться готова. Оставя все излишнее почтенїе, покажу жестокой Россалинѣ, сколь мало заслуживалъ я сїи суровости, которыми она угнетаетъ мое сердце. . . Почто свирѣпая, почто убѣгаешь моего присутствїя? Зачто я кажусь тебѣ столь гнусенъ? Любовь нѣжнѣйшая

и почтеніе глубочайшее такого ли воздаянія достойны?

Въ то время, какъ младой Пилигримъ приходилъ почти въ отчаяніе, счастіе пеклося о его утѣшеніи. Россалина чувствуя тоже, что и онъ, не въ состояніи была убѣгать болѣе его присутствія, а принужденіе, учиненное себѣ прежде тѣмъ, паче ея увѣрило, что она любитъ сего Француза. Тайна сердца ея открылась, и она ясно увидѣла свою слабость.

Въ одинъ день, какъ Пилигримъ пришелъ въ лавку г. Бурсетъ, она отвлекаема будучи нѣкоторымъ важнымъ дѣломъ, просила Россалину во время краткаго ея отсутствія побыть въ лавкѣ. Такимъ образомъ прекрасная сирота увидѣла себя на единѣ съ симъ опаснымъ человѣкомъ, и отъ сего въ такое пришла замѣшательство, что опустивъ глаза свои, не смѣла съ четверть часа поднять оныхъ. На конецъ не прежде, такъ сказать, проснулась отъ сего сна, какъ когда уже необходимость понудила

нудила ее отвѣтствовать на вопросъ младаго Пилигрима. Онъ желая возпользоваться сими прiятными минутами, которыя счастiе ему даровало, осмѣлился объявить Россалинѣ о побѣдѣ ея прелестей, и на конецъ по многимъ разговорамъ открыть ей совершенно воспламененное свое сердце ея взорами. Сiе изъясненiе привело ее въ немалое удивленiе, понеже она совсѣмъ не ожидала онаго; на конецъ по долгомъ изумленiи отвѣтствовала она съ большею умѣренностiю, нежели влюбленной Французъ могъ надѣяться.

Я знаю довольно, говорила Россалина, что Французы весьма учтивы, и что они разговоръ свой съ женщиною приправляютъ обыкновенно различными нѣжностями; по сему ни мало не удивляюсь я о томъ, что вы стараетесь увѣрить меня о вашей горячности. Между тѣмъ, понеже я Италïанка и мало еще знающа въ семъ родѣ разговоровъ, то не лучше ли до пришествiя г. Бурсетъ перемѣнить оной. Увы! вскри-

вскричалъ Пилигримъ, хотя бы вы на всегда изгнали меня отъ лица вашего, хотя бы еще съ большимъ старанiемъ убѣгали моего присутствiя, нежели до сего дня; однако все сiе не сильно удержать меня отъ объявленiя вамъ моего страданiя. Умру, прекрасная Россалина! ежели симъ навлеку на себя вашу ненависть: но когда бы и не открылъ вамъ моей страсти, то такъ же не могъ бы жить болѣе. Не стыдитесь, государыня моя, что человѣкъ, неизвѣстный никому, объявляетъ себя вашимъ любовникомъ. Состоянiе мое позволяетъ мнѣ и въ лучшихъ домахъ Италiи не думать о неудачѣ моихъ требованiй: но съ того часа, какъ васъ увидѣлъ, всѣ мои помышленiи къ вамъ единственно стремятся, и вы одни въ сей землѣ меня удерживаете; но безъ вашихъ побѣдоносныхъ прелестей находился бы я теперь въ Туринѣ. Ваши взоры покорили сердце мое въ самое то время, когда они въ первый разъ съ моими встрѣтились.

Я искалъ случая васъ чаще видѣть и говорить съ вами, а глаза мои всюды за вами слѣдуя примѣтили, что вы вошли въ сей домъ. Сїе самое побудило меня познакомиться съ г. Бурсетъ, и съ сего времени съ нетерпѣливостїю ожидалъ я того часа, въ который бы могъ открыть вамъ жестокую любовь, которую красота ваша вдохнула въ мое сердце.

Оставимъ все сїе, отвѣтствовала Россалина; я прошу васъ только сказать мнѣ, чего надѣяться можно отъ такой страсти, которую почувствовали вы ко мнѣ, незнавъ меня ни мало, или бы я къ вамъ имѣла оную, не знавъ васъ болѣе, нежели какъ теперь знаете вы меня? . . . . Я не хочу оказывать вамъ моего презрѣнїя, которымъ бы конечно иная женщина наградила ваше неблагоразумное изъясненїе; однако знайте, что я столь терпѣлива впредь не буду. Когда для снисканїя вашей благосклонности, сказалъ Французъ, надлежитъ мнѣ открыть вамъ

прямо

прямое мое состоянїе, то я немедлѣнно подамъ самыя убѣдительныя доказательства не послѣдняго моего произхожденїя. Лишь только вы скажите, что я вамъ не противенъ, то небуду ни мало колебаться въ открытїи вамъ моей тайности. Я не желаю знать оную, отвѣтствовала Россалина, и откровенно говорю вамъ, что мы не сотворены одинъ для другаго. Лишите себя всей надежды, понеже непреоборимыя препятствїя насъ разлучаютъ; и ежели хотите доказать, что нелицемѣрно меня любите, то старайтесь убѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ я находиться буду, и наградите тѣмъ мое снисхожденїе, съ которымъ отвѣтствую я на ваши изъясненїя, долженствующїя мнѣ дѣлать немалую обиду.

Я повинуюсь вашей волѣ, отвѣтствовалъ Французъ съ прискорбною задумчивостїю, и пойду въ отдаленнѣйшїя мѣста питать мое отчаянїе по всечастнымъ воображенїямъ вашихъ прелестей. Слѣдуя вашему повелѣнїю вижу, что пре-

даю себя горчайшему мученїю; но вы того требуете, и такЪ надлежитЪ во всемЪ васЪ удовольствовать. Я вижу, что. . . Возвратившаяся вЪ сїе время г. БурсетЪ принудила младаго Пилигрима перемѣнить разговорЪ свой. ОнЪ не вЪ состоянїи будучи долгое время пробыть вЪ ея лавкѣ, возвратился вЪ домЪ свой простяся сЪ Россалиною жалостнѣйшими взглядами. Лишь только онЪ вышелЪ, то она почувствовала, что ея сердце сильнѣе прежняго начало тревожиться. Свершилось мое несчастїе, говорила она; я его болѣе не увижу, и онЪ для того только открылЪ мнѣ страсть свою, чтобы мнѣ тѣмЪ тягостнѣе было его лишиться. Почто я его отЪ себя изгнала? Почто не узнала его обстоятельствЪ? Но ахЪ! кЪ чему мнѣ служитЪ знанїе оныхЪ. Или я не помню болѣе той несносной неизвѣстности, вЪ которой я сама о себѣ нахожусь. Могу ли я отдать сердце мое, не знавЪ еще моихЪ родителей, которые имѣютЪ право разполагать онымЪ?

онымъ? Сей Французъ конечно человѣкъ не послѣдняго состоянія; и такъ захочетъ ли онъ дѣйствительно прилѣпиться къ дѣвкѣ, незнающей ни рода своего, ни отечества? Увы несносная старуха, исторгнувшая меня изъ нѣдръ спокойствія монастырскаго; ты причиною всего моего несчастія! Почто скрывала ты отъ меня такую тайну, отъ которой зависѣло благополучіе моей жизни? Я увѣряла тебя въ моей скромности; но ты нечувствительна была къ моимъ прозьбамъ, и твоя проклятая недовѣрчивость повергла меня на всегда въ пучину лютѣйшихъ злоключеній.

Грусть ея усилилась паче отсудствіемъ младаго Пилигрима, который точно наблюдая ее повеленіе, пересталъ посѣщать г. Бурсетъ. Чего осталось мнѣ надѣяться? помышляла Россалина. Я сама его изгнала, оказывая ему такую суровость, какой никогда въ себѣ не ощущала. Что помощи въ моихъ притворствахъ? Хотя онъ и

убѣгаетъ моего присудствія; но образъ его обитаетъ безпрестанно въ моемъ сердцѣ. Увы! ежели онъ истинно меня любитъ? ежели всѣ его увѣренія чистосердечны? то онъ довольно отмщенъ за оказанную ему отъ меня суровость. Какое бы было для него торжество, когдабъ онъ вѣдалъ, что слабый мой разсудокъ его изгоняетъ, а сердце въ самое то время возвращаетъ и всюды за нимъ слѣдуетъ. Можетъ быть жестокость моя принудила меня изтребить меня совсѣмъ изъ своихъ мыслей. Я бы могла ему сказать, что не безпристрастіе, но долгъ, состояніе мое и тайныя причины опредѣляютъ его несчастіе. По сему онъ бы не обвинялъ меня ни презрѣніемъ, ни ненавистію, воспоминалъ бы обо мнѣ безъ огорченія, и я бы еще могла думать, что онъ меня не возненавидитъ; а хотя и забудетъ, но однако не обратитъ во омерзѣніе прежней своей горячности. Почто суетное честолюбіе и причудливая должность повелѣваютъ мнѣ оказывать

вать такую гордость, которую ежечасно опровергаетъ мое сердце? ежели же, какъ говорятъ, противна небу всякая слабость человѣка, то почто оно повергло меня въ оковы сего жестокаго побѣдителя!

Тайныя грусти, терзающія Россалину, затмили нѣсколько красоту оной. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ея видима была нѣкоторая угрюмая задумчивость, которую сколько она ни старалась скрывать отъ г. Бурсетъ, однако ее довольно оная примѣтила. Что вамъ сдѣлалось? говорила она ей; мнѣ кажется, что вы грустите нынѣ болѣе прежняго; вы ищете уединенія и убѣгаете нашего сообщества. Не досадилиль мы вамъ чѣмъ нибудь? или не желаете ли вы чего? скажите, ничего не опасаясь. Я васъ стократно увѣряла, что вы можете на меня во всемъ какъ на родную вашу сестру положиться; и такъ не опасайтесь открыть мнѣ ваше сердце. Отпустите мою задумчивость, отвѣтствовала Россалина, горькому состоянію, въ которомъ я нахожусь.

 Сколько

Сколько я власти надъ собою ни имѣю, однако не могу изъ сердца своего изгнать напоминовенія моихъ несчастій. Можетъ быть время приведетъ ихъ въ забвеніе; можетъ быть получу я изъ Венеціи извѣстіе, которое прекратитъ навсегда мое смущеніе. Я того конечно надѣюсь, сказал на сіе г. Бурсетъ, и думаю, что мы скоро увидимъ конецъ вашимъ несчастіямъ. Теперь же болѣе всего совѣтую вамъ воздерживаться отъ сей грусти, въ которую вы нынѣ погружаетесь, и которая печальныя слѣдствіи имѣть можетъ; а чтобы разогнать оную сколько возможно, то мы (когда вамъ то будетъ непротивно) пойдемъ завтре къ графинѣ Доріи; я васъ представлю ей яко дочь одного Венеціанскаго купца, моего пріятеля; и понеже не желаете вы, чтобы она извѣстна была о вашихъ обстоятельствахъ, то ихъ весьма удобно будетъ скрыть отъ оной.

Я соглашаюсь на все то, что вамъ угодно, сказала Россалина, и

слѣпо

слѣпо послѣдую вашимъ наставленіямъ. Дружба и брагодарность дѣлаютъ ихъ для меня драгоцѣнными; но о томъ только васъ прошу, чтобы вы не сочли нечувствительностію мою суровость въ обхожденіи съ вами. Мои обстоятельства и неизвѣстность моего состоянія раждаютъ во мнѣ иногда такую скуку, которую я всѣми силами побѣдить не въ состояніи. При всемъ томъ какія бы горести я ни чувствовала, они ни на единый часъ немогутъ изтребить изъ моего сердца той благодарности, которою я вамъ обязана.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Госпожа Бурсетъ, стараясь безпрестанно о прекращенiи печалей Россалины, повела ее къ графинѣ Дорiи, какъ обѣщала на канунѣ того дня. Прибывъ туда пришли они въ крайнее удивленiе, услыша, что она за день предъ симъ отъѣхала въ свою деревню, гдѣ нѣкоторое время пробыть думала. Графиня обѣщала, говорила г. Бурсетъ тому служителю, который ей о семъ сказывалъ, увѣдомить меня о своемъ отъѣздѣ, которой она еще недѣли черезъ двѣ учинить была намѣрена. Правда государыня, отвѣтствовалъ служитель: она и вчерась тоже думала, но особливыя и неизвѣстныя намъ причины принудили ее перемѣнить сiе намѣренiе. Она поѣхала съ графомъ, ея супругомъ.

Россалина не весьма сожалѣла о томъ, что не могла графиню видѣть; понеже она единственно въ

удоволь-

удовольствїе г. Бурсетъ согласилась представить себя оной. Въ таковомъ горестномъ состоянїи обращенїе съ свѣтомъ только что возобновляетъ чувствуемыя уже скорби. Мысли Россалины наполнены были безпрестаннымъ воображенїемъ любезнаго ея Француза. Нѣтъ сумнѣнїя , говорила она , что онъ человѣкъ знатной : хотя бы онъ того и не сказывалъ, но его поступки, видъ и изъясненїи неоспоримо доказываютъ справедливость моего мнѣнїя. Ежели же то правда, къ чему употреблять сїе притворство? почто покрываться Пилигримскою одеждою? къ чему вымышлять путешествїе въ Лоретту? Я бы могла узнать основанїе сей тайны , лишь бы только его о томъ спросила. Но какую я изъ того получу пользу , и почто требую знать его обстоятельствы, когда не думаю ему своихъ повѣдать? Что я знаю? Можетъ быть открытїе причинъ его набожности усубитъ скорбь мою и покажетъ , что я болѣе участїя

имѣю въ его притворствѣ, нежели думаю. Полезнѣе для меня убѣгать всего того, что можетъ мнѣ учинить его драгоцѣннымъ. Увы! почто открылъ онъ мнѣ чувствія его сердца? Почто не оставилъ онъ меня въ перьвомъ невѣденіи о его склонности! Можетъ быть я бы еще могла изцѣлиться, воображая его ко мнѣ равнодушіе; но теперь нѣтъ никакого врачества души моей. Онъ представляется ежечасно моимъ мыслямъ съ тѣмъ разительнымъ видомъ, съ которымъ объявлялъ мнѣ побѣду моихъ слабыхъ прелестей. Кажется, что во всѣхъ мѣстахъ повторяются его клятвы, противъ всѣхъ моихъ жестокостей любить меня вѣчно. Прости мнѣ, любезный иностранецъ! Несносная мнѣ самой должность опредѣлила твое изгнаніе. Повинуяся разсудку и благопристойности, чувствую сугубо тѣ жестокости, которыя тебѣ я причинила.

Смущаема будучи всегда сими мыслями Россалина, прогуливалась

нѣкогда

нѣкогда въ садахъ, находящихся подлѣ фанаря освѣщающаго гавань Генуескую. Въ семъ пріятномъ уединеніи ничто не препятствовало ей погрузиться въ обыкновенную свою задумчивость. Надлежитъ упомянуть, что въ украшеніи сихъ садовъ кажется то искуство человѣческое превзошло удивительныя произведенія натуры. Тамъ видимы повсюду разсѣянныя оранжевыя рощищы, которыхъ тѣни между собою сплетаются, и тѣмъ прогуливающихся укрываютъ отъ зною солнца. Тысяча маленькихъ лѣсочковъ, раздѣляющихся огромными алеями, служатъ убѣжищемъ любовникамъ безсчастнымъ, которые могутъ тамъ оплакивать свои бѣдствія, и соединять сокрушенія свои съ стономъ плачевной Филомены: однимъ словомъ, кажется, что сама любовь нарочно украсила сіе мѣсто для утѣшенія тѣхъ, которые чувствуютъ ея гоненіе.

Россалина походивъ нѣсколько между оранжевыми деревьями, вошла въ одну бесѣдку, обвитую зе-

леным листвїем. Но въ какое она пришла удивленїе , увидя въ оной младаго Пилигрима на земляномъ каналѣ уснувшаго ! Она въ туже минуту хотѣла удалиться; но любовь яко косою подсѣкла ея ноги.

И такъ хотя и противъ воли, однако съ немалымъ удовольствїемъ начала она разсматривать спящаго своего любовника. Одна рука поддерживала его голову, а изъ закрытыхъ глазъ упадали слезы. Онъ испускалъ тяжелые вздохи , и кажется, что любовь нарочно привела Россалину въ сїе мѣсто , что бы симъ ясняе показать ей чувствїи его сердца. Любезный чужестранецъ, говорила она, хотя ты наслаждаешься тѣмъ спокойствїемъ, какого я на всегда лишилась , и хотя возпомяни о той, которой ты величайшее несчастїе приключаешь. Выговоривъ сїе лишь только она хотѣла удалиться какъ любезный ея Французъ проснулся, и увидя возлѣ себя Россалину, пришолъ въ неописанной восторгъ. Для Бога : вскричалъ онъ упадая

къ ногамъ ея, не лишайте меня того счастія, которое мнѣ само небо даровало. Вы приказали мнѣ убѣгать вашего присутствія; я повиновался вашей волѣ: но чего оно мнѣ стоило и какихъ мученій не претерпѣлъ я исполняя ваше повелѣніе! Терзаемъ безпрестанноналютѣйшею печаліею, неужли не могу я возбудить въ васъ и малѣйшаго сожалѣнія? неужли вы прикажете еще убѣгать вашего присутствія. Позвольте мнѣ обожать тѣ прелести, для которыхъ я живу на свѣтѣ. Я не прошу, чтобы вы позволили упоминать о томъ, что они безпрестанно производятъ въ моемъ сердцѣ. Я не хочу облегчать скорбь мою, открывая вамъ оную, и довольствуяся тѣмъ, что буду имѣть позволеніе васъ иногда видѣть, сочту себя наисчастливѣйшимъ человѣкомъ.

Ежели правда, что вы меня искренно любите, то все сіе, чего отъ меня вы требуете, отвѣтствовала Россалина, болѣе разтравитъ, нежели изцѣлить можетъ вашу рану.

Я вамъ уже говорила, что непреоборимое препятствіе предположено вашимъ желаніямъ. Почто питать такую страсть, которую когда нибудь погасить должно? Старайтесь паче убѣгать всего того, что оную возобновляетъ. Вы начали удаляться моего присутствія; продолжайте сей поступокъ, отъ него зависитъ наше общее благополучіе.

Увы! прекрасная Россалина, вскричалъ Пилигримъ, могу ли я знать сіе непреоборимое препятствіе, о которомъ вы столь часто упоминаете. Не иной ли кто обладаетъ вашимъ сердцемъ и рукою? не скрывайте отъ меня сего, ежели я не ошибся. Оно вселитъ меня во гробъ; но по крайней мѣрѣ выведетъ изъ сего несноснаго невѣденія, въ которомъ я нахожуся, и которое мнѣ горчае самой смерти. Хотя я ни съ кѣмъ ни соединена брачными союзами, однако имѣю другія немаловажнѣе сего причины, отвѣтствовала Россалина. Можетъ быть родители мои не согласятся на то, что

бы

бы я соотвѣтствовала вашей склонности? можетъ быть вы сами перемѣните ваши мысли, узнавъ мое состоянїе? Есть тысяча еще такихъ причинъ, которыхъ мнѣ открыть не можно. Въ какомъ бы вы состоянїи рождены ни были, отвѣтствовалъ Французъ; однако оно не возпрепятствуетъ моимъ желанїямъ, и я съ радостїю раздѣлю счастїе мое ъ вами. Но я довольно увѣренъ, что столь добродѣтельная душа, столь прекрасное тѣло недостается въ удѣлъ низкому состоянїю. Небо разполагаетъ весьма премудро своими дарованїями. Между тѣмъ естьли оно сверхъ моего чаянїя произвело васъ и отъ самыхъ подлыхъ родителей, однако знайте, что сердце мое предпочитаетъ васъ, прекрасная Россалина, принцессамъ всего свѣта. Въ утвержденїе всего того, что я говорю вамъ, прикажите только; то я открою себя совершенно и кину сїю притворную одежду, въ которой вы одни могли принудить меня скрываться. Какъ я? вскричала Россалина, я причи-

ною сего вашего одѣянія; почто покрывать себя Пилигримскою рясою для того, чтобы меня видѣть, вы бы могли и въ настоящемъ вашемъ видѣ приходить къ госпожѣ Бурсетъ. Важныя причины, отвѣтствовалъ Французъ, принуждаютъ меня укрываться отъ очей свѣта. Ежелибъ я признанъ былъ въ семъ городѣ, то бы принужденъ былъ оставить оной; но мнѣ увидя васъ не возможно уже стало отъ него удалиться.

Признаюсь, отвѣтствовала Россалина, что все сказанное вами возбуждаетъ во мнѣ любопытство, и я бы охотно желала слышать, по какому случаю находитесь вы въ Генуѣ и почто оставляете ваше отечество. Неужли вы столько же безсчасны, какъ и я? Неужли небо удовлетворяетъ своему мщенію, принося только неповинныя жертвы оному? Дружба, отвѣтствовалъ Французъ, была перьвою причиною моихъ бѣдствій, а несчастная любовь можетъ быть доведетъ ихъ до крайности. Сіи послѣднія слова

произ-

произнесъ онъ съ столь нѣжнымъ видомъ, что Россалина не могла воздержаться, чтобы очами своими не показать ему, что онъ можетъ быть менѣе злощастенъ, нежели какъ думаетъ. Сей хотя слабый лучъ надежды оживотворилъ, такъ сказать, унылаго любовника; и онъ послѣ сего говорилъ такъ: съ охотою объявлю вамъ, прекрасная Россалина, сколько судьба увеселялась моимъ гоненіемъ.

ПОХОЖДЕНІЕ ПРЕНВИЛЯ.

Я называюсь Пренвилемъ и происхожу отъ одного изъ наилучихъ домовъ въ Шампаніи. Родитель мой весьма богатъ и почитаемъ отъ всѣхъ сосѣдей. Онъ далъ мнѣ воспитаніе приличное моему состоянію. На четырнатцатомъ году послалъ меня въ Парижскую Академію, въ которой я въ скорости познакомился съ графомъ Сентъ Аманомъ. Онъ былъ одинакихъ со

мною

мною лѣтъ, имѣлъ довольно разума и хорошей видъ. Увы! ежелибы любовь не приключила ему толико бѣдствїя; его участь была бы всякому завидна. Мы взаимно столь тѣсную заключили дружбу, что товарищи прозвали насъ *двумя прїятелями.* Мы не могли жить одинъ безъ другаго, и самая любовь не можетъ вдохнуть чувствїй сильняе тѣхъ, которыя дружба произвела въ сердцахъ нашихъ. Между тѣмъ С. Аманъ раздѣлялъ сердце свое между мною и своею любовницею. Я за сїе не только на него не досадовалъ, но еще старался угадывать его мнѣнїя, желая угождать онымъ. Графъ имѣлъ во мнѣ единаго своего друга и повѣреннаго всѣхъ его сокровенныхъ мыслей. Столь тѣсный союзъ не бывалъ намъ никогда въ тягость. Мы снисходили взаимно нашимъ слабостямъ и обрѣтали въ дружбѣ нашей истинное веселїе и облегченїе отъ всѣхъ печалей, возмущающихъ обыкновенно младыя лѣта. Графъ С. Аманъ имѣлъ сложенїе горячее и склонности

ности простирающїяся до крайности. На противъ того я былъ довольно хладокровенъ и важенъ не по мѣрѣ лѣтъ моихъ. Я разговаривалъ иногда съ другомъ моимъ о его любовницѣ, которую онъ любилъ даже до бѣшенства. Хотя я нѣкоторымъ образомъ и предвидѣлъ слѣдствїя неумѣренной сей страсти; однако опасаясь огорчить моего друга, не могъ прямо говорить ему о опасности оной. Я осуждалъ внутренно его слабости, однако въ самое то время не могъ не сожалѣть о томъ, что онъ не могъ онымъ возпротивиться, и хотя съ крайнею осторожностїю, однако иногда напоминалъ ему, что такая страсть, которую попускаемъ совершенно надъ нами владычествовать, влечетъ за собою неминуемыя несчастїя. На конецъ я увидѣлъ, что надлежало съ нимъ откровеннѣе изъясниться, и что честь и дружба налагали на меня долгъ совѣтовать ему, чтобы онъ здравѣе разсудилъ о намѣренїи увезти любовницу свою въ Голландїю.

дїю. Какъ, думаешъ ли ты о томъ, любезный графъ, что хочешъ делать? не ужели желаешъ быть причиною собственнаго своего состоянїя! Не постыдно ли человѣку твоего состоянїя таскаться по чужимъ краямъ, оставя отечество, имѣнїе и огорченныхъ на тебя родителей, для удовлетворенїя твоей страсти? Не думай того, любезный графъ, чтобы фамилїя твоя согласилась когда нибудь на бракъ твой съ купеческою дочерью; ежели же ты и увезешъ свою любовницу, то тѣмъ не даруешь ей ничего, кромѣ несчастїя, и твоя страсть будетъ источникомъ вѣчнаго ея злополучїя.

Всѣ сїи разсужденїя не произвели въ немъ никакого дѣйствїя, любовь затмѣвала его разсудокъ, и онъ остался непоколебимъ въ своемъ предпрїятїи. Надлежитъ упомянуть, что мы года за два предъ симъ оставивъ академїю находились въ мускетерахъ. С. Аманъ имѣлъ въ скорости получить роту конницы, чего ради прислано

ему

ему было отъ родителей восемь тысячь ливровъ для взнесенія въ военную кантору. Сими то деньгами думалъ онъ произвести намѣреніе свое въ дѣйство. Я не требую, говорилъ онъ мнѣ, чтобы ты, любезный другъ, вмѣшался въ такое дѣло, которое опасныя слѣдствія имѣть можетъ; понеже дружба наша упрекала бы меня въ томъ, что я для своихъ прихотей повергъ тебя въ несчастіе. Сей разговоръ несказанно меня тронулъ. Чѣмъ заслужилъ я, говорилъ ему, чтобы ты изъяснялся со мною такимъ образомъ? или не помнишъ болѣе моей дружбы и самаго меня? Можешь ли ты сумнѣваться, чтобъ я не согласился дѣлить съ тобою несчастіе такъ какъ и благополучіе? Не разлучусь никогда съ тобою, любезный другъ: ты намѣренъ увезти любезную твою *Дурацце*: я на то согласенъ. Увеземъ оную: я готовъ помагать тебѣ, сколько мнѣ возможно будетъ.

По окончаніи словъ моихъ графъ С. Аманъ не могши отъ слезъ

удер-

удержаться, съ горячностїю меня обнялъ. Прости мнѣ, любезный Пренвиль, говорилъ онъ такую слабость, которой я противъ воли моей подвергаюсь. Ты видишь, сколь чрезмѣрна страсть моя; понеже и самая дружба наша не могла одолѣть оную. Однако именемъ сей же самой дружбы прошу тебя, любезный другъ, не мѣшаться въ мое предпрїятїе, котораго слѣдствїя могутъ быть для васъ пагубны. Оставайся спокойно въ Парижѣ, не слѣдуя за несчастнымъ, который достоинъ только твоего презрѣнїя. Оставь такой разговоръ, которой меня обижаетъ, отвѣтствовалъ я С. Аману. Намѣренїе уже принято; меня ничто не разлучитъ въ тобою. Смотри только, въ чемъ я могу тебѣ быть полезенъ. Не давъ мнѣ окончать сей рѣчи, другъ мой бросился паки въ мои объятїя, неотступно прося, какъ и прежде, чтобы не подвергать себя опасности. Но я пребывалъ твердо въ моемъ намѣренїи и не внималъ ни мало его прозьбы

бы. Такимъ образомъ соглашася въ нашихъ мысляхъ, положили мы чрезъ два дни выѣхать изъ города; послѣ чего показалъ онъ мнѣ письмо своей любовницы, въ которомъ она наставляла его, какъ поступить въ семъ случаѣ, и которое слѣдующаго было содержанія;

ПИСЬМО.

Я полагаюсь на ваше чистосердечіе и согласна за вами слѣдовать въ Голландію. Находяся съ вами вездѣ я буду счастлива. Ежели намѣрены вы въ воскресенье уѣхать въ ночь, какъ упоминаете въ письмѣ вашемъ; то ожидайте меня вечеру въ десять часовъ у воротъ нашего дома. Когда заснутъ мои родители, то мнѣ удобно будетъ выттти изъ онаго; и хотя вы и увѣряете меня, что мы въ деньгахъ недостатка имѣть не будемъ, однако я непремину взять съ собою сто луидоровъ, которые способно могу вынять изъ канторы моего

его батюшки. Вы ничего не пишите мнѣ о томъ, любезный графъ, открыто ли намѣренїе наше другу нашему Пренпилю или нѣтъ. Я увѣрена довольно, что онъ не похвалитъ онаго, и можетъ быть согласно со мною скажетъ, что предпрїятїе наше весьма отважно; но понеже вы неотмѣнно желаете уѣхать изъ Парижа и клянетесь, что ваша жизнь зависитъ отъ согласїя моего на наше бракосочетанїе; то я почто бы мнѣ ни стало, хочу сохранить дни ваши, безъ которыхъ и мои должны прервaться.

Хотя я и изъяснялъ другу моему мнѣнїе его любовницы, однако видя, что старанїя мои безполезны, пересталъ я говорить о томъ болѣе. Какїя же предосторожности принялъ ты, говорилъ я ему для произведенїя въ дѣйство твоихъ намѣренїй? Я имѣю, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, восемь тысячь ливровъ и могу еще получить отъ банкера подъ росписку съ тысячу червонныхъ. Изрядно, говорилъ я, присоедини же къ сей суммѣ десять

сять тысячь ливровъ, которыми я могу разполагать по желанію, и которые было назначилъ я какъ и ты для покупки роты конницы; и такъ мы имѣя все потребное, спокойно ожидать будемъ, что выдетъ изъ нашего предпріятія: сверхъ сего примемъ довольныя предосторожности, чтобы насъ въ побѣгѣ не остановили. С. Аманъ обьявилъ мнѣ по семъ, что у него все было устроено. Онъ имѣлъ пашпортъ подъ ложнымъ именемъ, и приказалъ уже почтовой коляскѣ находиться въ улицѣ господина Дураццо, родителя его любовницы. Скакавъ всю ночь по утру находились мы на границахъ Фландріи; и такъ какъ бы ни старались, однако не возможно уже было остановить насъ въ побѣгѣ.

Намѣреніе наше исполнилось по желанію, и мы пробывъ одинъ день въ дорогѣ, прибыли въ Брюксель. Хотя мы находились внѣ Франціи, однако не были еще вовсе безопасны: того ради немедлѣнно отправились въ Голландію. Прибывъ

въ

вЪ Бреду остановились дня на два или на три для отдохновенія. Оттуда поѣхали вЪ Амстердамъ, гдѣ мой другъ основавъ свое жилище, сочетался законнымъ бракомъ съ своею любовницею. Между тѣмъ побѣгъ нашъ произвелъ великой шумъ вЪ Парижѣ. Родители дѣвицы Дураццо судомъ пошли противъ моего пріятеля, и всякое защищеніе его фамиліи не отвратило отъ него нещастія. Онъ осужденъ былъ яко похититель. Родитель мой узнавъ, что я послѣдовалъ за нимъ вЪ Голландію, многократно писалъ ко мнѣ, чтобы я возвратился во Францію. Я ни мало осужденъ не былъ вЪ судѣ, произведенномъ противъ моего друга, которой паче всего обвиненъ былъ письмами его найденными вЪ кабинетѣ дѣвицы Дураццо. На конецъ сколько ни просили меня оставшіеся пріятели во Франціи и нѣкоторые изъ моихъ родственниковъ, чтобы возвратиться вЪ отечество; однако я не хотѣлъ оставить С. Амана, предвидя, что ему вЪ чемъ

нибудь

нибудь полезенъ буду; и дѣйствительно въ семъ я не ошибся. Отецъ моего друга, раздраженъ будучи его побѣгомъ, не хотѣлъ помогать ему въ несчастіи. Онъ начиналъ уже сокрушаться о томъ, что мы, проживъ двашцать тысячь ливровъ, привезенныхъ изъ Франціи, которые Голланскою монетою составляли токмо десять, будемъ находиться въ крайней нуждѣ. Я не желая упрекать его въ такомъ дѣлѣ, котораго поправить уже не возможно было, старался утѣшать его по возможности. Я промышлю довольно на всѣ потребы, говорилъ ему; и по тому наши обстоятельства не столь худы, какъ ты себѣ воображаешь оныя. Когда ты не надѣешься привести въ жалость твоихъ родителей, такъ я напротивъ того увѣренъ, что мои не покинутъ меня въ нуждѣ. Я къ нимъ прибѣгну, когда надобность того потребуетъ.

С. Аманъ благодарилъ за сіе нѣжнѣйшимъ образомъ, называя меня стократно своимъ хранителемъ. Въ

самомъ дѣлѣ онъ бы былъ счастливъ, когда бы слѣдовалъ во всемъ моимъ совѣтамъ; но нетерпящее притворства его сердце, не предпринимало тѣхъ осторожностей, которыя я во многихъ случаяхъ считалъ необходимо нужными, особливо же находясь въ чужой землѣ, и слѣдовательно не зная какими людьми окруженъ бываешь. С. Аманъ при первомъ свиданіи совершенно открывался. Вольное и искреннѣе съ лишкомъ его обхожденіе, не терпѣло разумной политики, которую онъ называлъ лицемѣрствомъ и обманомъ.

Въ одинъ день привелъ онъ въ домъ нашъ двухъ Французовъ, которыхъ представляя мнѣ говорилъ, что они весьма честные люди. Какъ мы остались на единѣ, то спрашивалъ я его, какимъ случаемъ познакомился онъ съ сими особами? О! я ихъ видѣлъ болѣе трехъ или четырехъ разъ, и могу сказать, что они предорогіе люди, отвѣтствовалъ С. Аманъ. Не имѣешь ли ты другаго доказатель-

ства ихъ честности, продолжалъ я? А какъ онъ мнѣ сказалъ, что болѣе никакого одобренія имъ сдѣлать не можетъ; то я ему совѣтовалъ убѣгать людей сего рода; понеже знакомство ихъ ничего добраго не обѣщаетъ. Я слыхалъ довольно, говорилъ ему, отъ такихъ людей, которые въ знаніи свѣта несравненно насъ искуснѣе, что нѣтъ ничего опаснѣе таскающихся по всѣмъ странамъ Французовъ, между которыми находится довольно истинныхъ рыцарей, живущихъ единою добычею, то есть имѣніемъ тѣхъ, коихъ имъ способнѣе обмануть удастся. Я одного съ тобою мнѣнія, отвѣтствовалъ С. Аманъ; и знаю, что не должно всѣму свѣту открываться: но что касается до сихъ Французовъ; то они отъ всѣхъ вашихъ рыцарей совсѣмъ въ отмѣнныхъ обстоятельствахъ находятся. Одинъ изъ оныхъ выѣхалъ изъ Парижа, не терпя оскорбленія чести своей, а другой не желая притѣсняемъ быть въ разсужденіи вѣры. Вотъ точно

сказалъ я моему другу обыкновенные разказы всѣхъ рыцарей въ Голландіи. Они оставя превеликія богатства и неизсчетныя сокровища выѣхали изъ своего отечества, для учиненнаго имъ въ ономъ нѣкотораго малаго неудовольствія; но разсмотря нѣсколько, легко увидѣть можно, что тотъ, который говоритъ, будто оставилъ отечество для вѣры, выгнанъ былъ изъ онаго по своимъ бездѣльствамъ.

Сколько я ни уговаривалъ моего друга, чтобы онъ перервалъ сіе знакомство; однако всѣ мои совѣты были безполезны. И онъ заключилъ съ сими Французами весьма тѣсный союзъ дружества, въ которомъ скоро послѣ сего разкаялся.

Одинъ изъ сихъ мошенниковъ назывался Даматомъ и ушелъ изъ отечества для избѣжанія справедливаго наказанія за его безпорядки; другой наимяновавъ себя Кавалеромъ де Боже, сказывалъ, что онъ закололь одного изъ роты черныхъ мускетеровъ, за учиненную себѣ обиду. Хотя онъ и въ самомъ дѣ-

лѣ

лѣ изъ хорошаго произходилъ дома; однако человѣкъ былъ ни къ чему негодный. Одна дѣвка, съ которою онъ къ пущему своему несчастїю познакомился, подговорила его бѣжать изъ Парижа. Онъ не могъ ничѣмъ отъ сего отговориться, и будучи у командира своего ординарцомъ, увелъ казенную лошадь, которую и продалъ на перьвой почтѣ, гдѣ ожидаемъ былъ его любовницею.

Они немедлѣнно убѣжали въ Германїю; но въ Франкфуртѣ приличася въ воровствѣ, и выгнаны будучи изъ сего города, поѣхали въ Голландїю, къ моему и моего друга несчастїю. Болѣзнь, случившаяся мнѣ въ сїе время, совершила погибель С. Амана. Онъ предался совершенно симъ двумъ плутамъ, которые вознамѣрились его лишить всего имѣнїя. Для удобнѣйшаго исполненїя своихъ замысловъ употребили они хитрость, которую я по слабости моего здоровья не могъ предвидѣть. Они предложили моему другу и его супругѣ съѣздить

въ Анверъ, славной Брабанской городъ. Она любя всякія веселости, первая уговаривала его къ сей прогулкѣ. Такимъ образомъ С. Аманъ отъ всѣхъ уговоренъ будучи, попрощался со мною дни на три или на четыре. Хотя и чувствовалъ я нѣкоторое тайное предвѣщаніе, что сія ѣзда будетъ для него пагубна; однако не смѣлъ отрицать такой вещи, которой онъ и его супруга весьма желали. Я согласился на всѣ его желанія; но притомъ не могъ воздержаться, чтобы обнимая его въ послѣдніе не сказать слѣдующаго: можетъ быть, любезный другъ, тебѣ бы было лучше не ѣздить въ Анверъ. Успокойся, отвѣтствовалъ онъ мнѣ; мы конечно менѣе, нежели въ 10 дней возвратимся; но увы! въ какомъ состояніи увидѣлъ я его по возвращеніи: Помянутые два плута не доѣзжая еще Анвера принудили его отдать имъ всѣ деньги, которыя при немъ находились, такъ же золотые часы и драгоцѣнные камни. Мнимая жена кавалера

валера де Боже, одна изъ первѣйшихъ мошенницъ въ свѣтѣ, была первымъ дѣйствующимъ лицемъ въ семъ грабительствѣ. Всего несноснѣе какъ для меня, такъ и для друга моего было то, что онъ долженъ былъ отдать все почти свое имѣніе безъ противорѣчія, и не могъ жалобы принесть на своихъ грабителей, опасаясь еще большаго нещастія. Во время побѣгу его изъ Парижа, родители дѣвицы Дураццо думая, что онъ остановится во Фландріи, писали посланнику нашему, находящемуся въ Брюкселѣ, который изходатайствовалъ у Эрцгерцогини позволеніе, нашедъ моего друга, отвести и съ супругою его яко невольниковъ во Францію. Мы узнали сіе находясь еще въ Голландіи чрезъ письмо одного нашего пріятеля изъ Парижа; но понеже сіе дѣло, такъ сказать, уже было забыто и С. Аманъ съ своею супругою ни кѣмъ не были знаемы въ Анверѣ, то они и несчитали въ ономъ для себя никакой опасности. Не успѣли еще они прибыть въ сей городъ какъ два

плута, его спутники, угрожали обьявить объ немъ, ежели онъ не отдастъ имъ безпрекословно всего того, что при немъ ни было.

Онъ не имѣя чѣмъ возвратиться въ Голландїю, писалъ ко мнѣ чрезъ почту о своемъ печальномъ приключенїи. Я немедлѣнно посредствомъ одного банкера переслалъ ему нѣсколько денегъ. Возвратившись казался онъ столь печаленъ, что я стократно сожалѣлъ болѣе о его состоянїи, нежели о лишенїи денегъ, которыя хотя и довольную сумму составляли; понеже ограбили у него камней и протчихъ вѣщей болѣе, нежели на двѣ тысячи червонныхъ. Страхъ, причиненной супругѣ его симъ случаемъ и одно воображенїе возвратиться невольницей во Францїю, повергли ея въ опаснѣйшую болѣзнь. Сперьва надѣялись, что младость поможетъ ея выздоровленїю; но наконецъ въ такую она пришла слабость, что лѣкарь отчаялся со всѣмъ въ ея жизни.

Не возможно мнѣ, прекрасная Россалина, описать довольно отчаяніе моего друга. Онъ проливалъ цѣлые потоки слезъ, проклиналъ ту минуту, въ которую познакомился съ сими Французами; но всѣ стенанія и вздохи не соблюли жизнь его супруги. Кончина ея привела его въ бѣшенство. Надлежало его оттаскивать отъ охладѣвшаго уже тѣла, которое онъ крѣпко держалъ въ своихъ объятіяхъ. Позволь, любезный Пренвиль, говорилъ онъ, умереть мнѣ возлѣ дражайшей моей Дураццо. Я, или лучше ослѣпленіе мое лишило ея жизни. Прости, любезная супруга; но вольное мое предъ тобою погрѣшеніе. Я его поправлю моею смертію и на вѣки совокуплюсь съ тобою.

Всѣ учиненныя ему отъ меня совѣты были тщетны, и онъ около трехъ дней не принималъ никакого утѣшенія. Я находился такъ же въ крайнемъ уныніи, и ежели бы небо неподкрѣпляло меня особливою силою, желая сохранить жизнь мою для большихъ еще нещастій,

то я бы конечно не возсталЪ отЪ тягости первыхЪ. На конецЪ С. АманЪ болѣе пришедЪ вЪ слабость, нежели убѣжденЪ моими наставленїями, сдѣлался нѣсколько поспокойнѣе. Я не упустилЪ сей минуты для возобновленїя его разсудка, говоря ему, что всѣ сокрушенїя напрасны и не вЪ состоянїи возвратить жизнь его супруги; что человѣку великодушному непристойно приходить вЪ отчаянность; и на конецЪ сїи дружескїе выговоры произвели желаемое вЪ немЪ дѣйствїе, и ежели я ему не возвратилЪ спокойствїя, то по крайней мѣрѣ вывелЪ разумЪ его изЪ заблужденїя. Я и С. АманЪ жили по семЪ мѣсяца сЪ два вЪ Голландїи, и хотя онЪ и слышать не хотѣлЪ о своемЪ отечествѣ; однако я надѣялся, что время истребитЪ сїе отвращенїе и мнѣ удобно тогда будетЪ уговорить его на свои мысли. Я ему началЪ вЪ одинЪ день говорить о томЪ; но онЪ подумавЪ нѣсколько сказалЪ мнѣ вЪ отвѣтЪ, что онЪ уже давно твердое предпрїялЪ намѣренїе

отЪ

отъ свѣта удалиться. Я пришелъ въ отчаяніе, услыша, что мой другъ на всегда со мною разлучиться хочетъ, и заклиналъ его нашею дружбою и воспоминовеніемъ его супруги не пренимать такого рода жизни, которой скоро ему наскучить можетъ. Ты управляемъ теперь единою печаліею, говорилъ я ему, которая скрываетъ отъ глазъ твоихъ всѣ тягости соединенныя съ монашествомъ, и ежели и въ семъ случаѣ въ противность моимъ совѣтамъ послѣдуешь первымъ движеніямъ твоего сердца, то вскорѣ о томъ разкаешься.

Не могши побѣдить твердости ея предпріятія, возвратился съ нимъ тайно во Францію. Прибывъ въ оную С. Аманъ не внимая послѣднихъ моихъ прозьбъ постригся. По пролитіи съ обѣихъ сторонъ довольныхъ слезъ, оставилъ я моего друга, отправясь въ Шампанію къ моимъ ближнимъ.

Хотя родитель мой и былъ противъ меня огорченъ нѣсколько, почитая дурачествомъ все то, что

я дѣлалъ по долгу дружества; одна- ко обрадовавшись увидя одинакаго своего сына, предалъ забвенїю все прошедшее и токмо что понуждалъ меня вступить въ службу.

Болѣе года прошло уже какъ я растался съ С. Аманомъ. Онъ писалъ ко мнѣ иногда письма, въ которыхъ хвалился всегда, что чувствуетъ безпрестанно сладость спокойствїя душевнаго. Отсутствїе не привело въ слабость нашего дружества. Я принималъ искреннѣе участїе въ его благополучїи, и радовался, что онъ монахомъ учинился; понеже сїе токмо единое состоянїе было для него счастливо. До вступленїя моего въ службу хотѣлось мнѣ съ нимъ повидаться; но находясь уже во всей готовности къ нему ѣхать, получилъ я отъ него письмо слѣдующаго содержанїя:

„Ежели ты, любезный Пренвиль, и теперь любишь меня такъ, какъ прежде, то конечно не отречешься подать мнѣ истиннаго доказательства твоей дружбы. Пріѣзжай посмотрѣть

смотрѣть моего уединенія. Злобная судьба, которая всюды за мною слѣдуетъ, дѣлаетъ его мнѣ несноснымъ. Я теперь столько оное возненавидѣлъ, сколько возлюбилъ прежде. Почто не слѣдовалъ я твоимъ совѣтамъ! они сохранили бы меня самаго несноснѣйшаго состоянія въ свѣтѣ. Я уже готовъ смертію прекратить послѣднее мое несчастіе, и единая надежда тебя увидѣть и найти нѣкоторую помощь въ великодушномъ другѣ, остановляетъ взнесенную уже руку для окончанія моихъ горестей.„

Прочитавъ сіе письмо удобно я примѣтилъ, что отвращеніе отъ уединенія, которое я предвѣщалъ С. Аману, было причиною новаго его несчастія. Чѣмъ пособить можно его бѣдствію? помышлялъ я. Онъ самъ вѣчныя на себя наложилъ оковы. Какимъ же образомъ могу я подать требуемую имъ помощь? Всѣ сіи размышленія не возпрепятствовали мнѣ однако поспѣшить моимъ отъѣздомъ.

Я прибылъ въ монастырь прежде, нежели С. Аманъ меня ожидать могъ. Почто не слѣдовалъ я твоимъ совѣтамъ! вскричалъ онъ меня увидя. Я не былъ бы наизлополучнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Склонность, которую я прежде имѣлъ къ уединенію, совсѣмъ изчезла, а прелести свѣта представляются безпрестанно очамъ моимъ. Сладкое оныхъ воображеніе повергаетъ меня въ совершенное отчаяніе. Строгая жизнь мною провождаемая тѣмъ болѣе меня удручаетъ, что я оную наблюдаю поневолѣ, и что взираю на нее яко на вѣчное наказаніе, которому самъ себя подвергнулъ. На конецъ, продолжалъ онъ, я чувствую, любезный Пренвиль, что ежели ты не поможешь мнѣ избавиться сего несноснаго состоянія, то единая смерть прекратитъ всѣ мои несчастія. Въ тебѣ токмо питаю еще послѣднюю мою надежду. Съ того времени, какъ я монашескій чинъ принялъ, родители мои учинили наслѣдникомъ своимъ другаго сына.

Я въ то время отрекся самъ отъ всѣхъ правъ принадлежащихъ мнѣ по перворожденію, и по тому не въ состояніи теперь возвратить оныхъ. Вотъ въ какую ужасную пучину бѣдствія моего погрузился. Увы! когда бы слѣдовалъ я твоимъ совѣтамъ, то бы всего сего избавился.

Я утѣшалъ друга моего всѣмъ, чѣмъ только возможно было. Единой путь остается еще къ твоему благополучію, говорилъ я. Надлежитъ получить отъ двора Папскаго разрѣшеніе клятвъ твоихъ: всѣ силы мои употреблены будутъ въ твою пользу, и я ласкаю себя надеждою исполнить все желаемое.

По окончаніи сихъ словъ С. Аманъ обнимая меня отъ радости проливалъ слезы. И такъ мнѣ еще возможно, сказалъ онъ, избавиться сего уединенія, которое я пуще самой смерти ненавижу. Я отвѣтствовалъ, что отъ меня всевозможныя старанія употреблены будутъ для твоего избавленія; а наконецъ взявъ отъ двухъ лѣкарей письменное свидѣ-

свидѣтельство въ томъ, что слабость здоровья его не позволяетъ ему сносить строгостей монастырской жизни, отправился я въ Римъ.

Сїя новая отлучка привела родителей моихъ въ отчаянїе и нарушила всѣ предпрїемлемыя ими мѣры о опредѣленїи меня въ военную службу. Родитель писалъ ко мнѣ наистрожайшимъ образомъ, угрожая оставить меня вовсе и поступить со мною такимъ образомъ, что я долженъ буду вѣчно о томъ разкаиваться.

Сколь мнѣ ни горько было видѣть себя причиною неудовольствїя моихъ родителей; однако я тѣмъ не ослабѣлъ въ старанїяхъ моихъ о полученїи разрѣшенїя С. Аману, и былъ въ оныхъ столь удаченъ, что изходатайствовалъ все желаемое. Немедлѣнно по семъ послалъ я къ нему разрѣшительную Папскую грамоту, которая позволяла вступить въ свѣтъ паки, не покидая токмо монашеской одежды. С. Аманъ по полученїи оной отправился изъ

Францїи

Франціи въ Туринъ, гдѣ я назначилъ ему со мною видѣться, и я лишь токмо туда же хотѣлъ ѣхать, какъ васъ, прекрасная Россалина, увидѣлъ. Вашъ видъ неизцѣлимую причинивъ рану въ моемъ сердцѣ, удержалъ меня на всегда въ семъ мѣстѣ. Я послалъ письмо въ Туринъ къ одному банкеру, съ тѣмъ, чтобы онъ вручилъ его С. Аману, котораго усильно просилъ пріѣхать комнѣ въ Генуу, объявляя ему, что меня важныя причины удерживаютъ въ семъ городѣ.

Въ сіе почти самое время увѣдомился я отъ одного Француза, который меня узналъ въ семъ городѣ, что родитель мой увѣдомясь о мѣстѣ моего пребыванія, довелъ дѣло до того, что здѣшній консулъ именемъ двора Французскаго требовалъ, чтобы я возвращенъ былъ моему отечеству. Надлежало по симъ обстоятельствамъ отсюда удалиться; но я не могши лишиться прелестныхъ очей вашихъ, вознамѣрился покрыть себя симъ одѣяніемъ, которое

рое дѣлаетъ меня отъ всѣхъ подозрѣній свободнымъ. Вы видите, что я изрядно говорю по Италіански; и по тому, не опасаяся никогда, называю себя землякомъ вашимъ. Я убѣгаю такихъ собраній, гдѣ бы меня могли разсматривать; но видя жестокость ко мнѣ вашу, и повелѣніе убѣгать дражайшаго вашего присутствія, давно бы уже я отъѣхалъ во Францію, чтобы тамъ прекратить жизнь мою съ печали, когда бы ежечасно не ожидалъ сюда С. Амана: но ахъ! прекрасная Россалина, продолжалъ Пренвиль, не уже ли вы никогда несмягчитесь? Не уже ли не разрѣшите меня никогда отъ несноснаго вашего повелѣнія? Не уже ли и послѣдней надежды меня лишите? Именемъ всего того, что вамъ любезно въ свѣтѣ, прошу васъ не принуждать меня убѣгать вашего присутствія. Я не требую ни малѣйшей награды любви моей, не надѣюсь заслужить вашей склонности; но не могу ли я получить отъ васъ нѣкотораго обо мнѣ сожалѣнія?

жалѣнія? или въ столь прекрасномъ тѣлѣ заключило небо самое нежалостное сердце? При стопахъ вашихъ, любезная Россалина, испущу духъ мой, ежели уста ваши подтвердятъ еще приговоръ моей смерти.

Трудно было столь нѣжному сердцу, каково имѣла Россалина, противиться такимъ сильнымъ выраженіямъ. Ваша ко мнѣ повѣренность, сказала она Пренвилю, требуетъ, чтобы я вамъ тою же монетою за нее заплатила. Вы увидите, что мои несчастія превосходятъ можетъ быть ваши. Она разсказала ему потомъ, какимъ образомъ взята была изъ монастыря, какъ лишилась старухи, и на конецъ въ какую неизвѣстность погрузилась ея смертію. Теперь разсуждайте вы, продолжала Россалина, должна ли я открыть сердце мое нѣжнымъ чувствіямъ, находясь безъ родственниковъ и безъ всякаго пристанища, выключая одной пріятельницы? Но хотя бы я и соотвѣтствовала вашей склон-

ности,

ности, такъ по чему вѣдать, что мать или отецъ, которыхъ мнѣ счастїе даровать можетъ, не возпрепятствуютъ моей страсти; и такъ развѣ для того не сопротивляться теперь вашимъ чувствїямъ, чтобы послѣ учинить себя и васъ тѣмъ злополучнѣе? Можетъ ли быть для меня что бѣдственнѣе, какъ лишиться и послѣдней надежды? отвѣтствовалъ Пренвиль. Ежели родители ваши возпротивятся нашей страсти, то я съ помощїю моихъ, могу имѣть такое состоянїе, что участь моей супруги будетъ не самая послѣдняя; но ваше безпристрастїе, или лучше ваша ко мнѣ ненависть, изъискиваетъ отдаленные предлоги для прикрытїя жестокаго мнѣ отказа. Можетъ быть, что вы не будете болѣе обезпокоены несноснымъ моимъ для васъ присутствїемъ? Увы! сколь дорого заплачу я за сїе свиданїе, которымъ хотя и единому слѣпому случаю обязанъ! вижу на конецъ, что искренняя моя къ вамъ горячность лютѣйшую смерть будетъ

детъ имѣть воздаянїемъ. Оставайтесь, немилосердая Россалина; я чувствую, что всѣ слова мои вамъ въ тягость, и иду прекратить жизнь, которую почитаю для себя несноснымъ бременемъ, и которая по сїе время была токмо безпрерывная цепь моихъ несчастїй.

По окончанїи сихъ словъ Пренвиль хотѣлъ было выттти изъ бесѣдки. Постойте, сказала Россалина, или не можете вы меня забыть, не прерывая дней вашихъ? Увы! почто я васъ увидѣла. Признаюсь на конецъ, любезный Пренвиль, хотя и противъ воли моей, что я противъ васъ неравнодушна, и чѣмъ болѣе старалась забыть ваши достоинства, тѣмъ тверже оныя въ сердцѣ моемъ вкоренялись. Оно не могши продолжать притворства своего открываетъ вамъ сїю тайну. Но тѣмъ участь ваша не перемѣнится ни мало; понеже доглъ и честь повелѣваютъ мнѣ удалятться вашего присутствїя. Они такъ же возбраняли мнѣ внимать и увѣренїя о вашей нѣжности;

сти; однако сожалѣніе, произведенное во мнѣ повѣствованіемъ вашихъ бѣдствій, одержало верхъ надъ моимъ мужествомъ. Теперь вы видите, что судьба соединивъ сердца наши, положила между оными непреоборимую препону; и такъ намъ остается токмо удалясь другъ отъ друга приносить жалобы на суровость оной. Оставайтесь, Пренвиль; я можетъ быть болѣе васъ не увижу, а вы предавъ меня забвенію, токмо иногда вспомните, что я раздѣляю съ вами ваши несчастія, и можетъ быть во сто кратъ васъ злополучнѣе.

Пренвиль хотѣлъ было на сіе отвѣтствовать; но Россалина, не внимая словъ его вышла изъ бесѣдки и не медля въ саду ни мало возвратилась въ домъ г. Гурсетъ. Любовникъ ея оставшись въ совершенномъ невѣденіи, не зналъ почитать ли себя счастливымъ или нѣтъ. Я услышалъ, говорилъ онъ, что меня не ненавидятъ; но при всемъ томъ повелѣваютъ убѣгать того предмѣта, для котораго я

живу

живу на свѣтѣ. Жестокая судьба! ты дѣлаешь меня попеременно примѣромъ, то несчастнаго друга, то безъ пользы почти стенящаго любовника; и уже ли никогда не прекратишь своего гоненія? Но наконецъ продолжалъ онъ, мнѣ еще возможно надѣяться преодолѣть всѣ препятствія; понеже я Россалинѣ не противенъ. Величайшая препона уже опровергнута. Мое постоянство преклонитъ, можетъ быть, на мою сторону и самое счастіе! Оно уже начало мнѣ оказывать свои благодѣянія, даровавъ свиданіе съ прекрасною Россалиною, а притомъ открывъ такую тайну, о которой бы безъ него я во всю мою жизнь не вѣдалъ.

Пренвилъ наполненъ будучи сими утѣшительными размышленіями, принялъ намѣреніе не удаляться отъ своей любовницы и не раздражая ее стараться изыскивать всѣ случаи ея видѣть. Между тѣмъ ежедневно ожидалъ отъ С. Амана, которому надлежало уже быть въ Туринѣ, и не получая объ

немъ

немъ никакого извѣстія, началъ было приходить въ нетерпѣливость: но два или три дни спустя послѣ свиданія съ Россалиною, къ великому своему утѣшенію увидѣлъ его въ Генуѣ.

Въ перьвые часы радости Пренвиль позабылъ было свое несчастіе, и не о чемъ не помышлялъ болѣе, кромѣ С. Амана. Когда начальныя движенія взаимнаго ихъ удовольствія нѣсколько утишились; то Пренвиль, совѣтуя другу своему, чтобы онъ впредь лучше умѣлъ себя воздерживать, говорилъ такъ: когда ты слѣпо слѣдуешь твоимъ мнѣніямъ, то страсти безпрепятственно покоряютъ тебя подъ власть свою. Во многихъ случаяхъ, любезный С. Аманъ, ты долженъ не довѣрять и самому себѣ. Я не хотѣлъ упоминать о семъ прежде изхода таинствованія тебѣ изъ моностыря свободы, въ то время слова мои токмо бы тебя болѣе огорчили; но ты и безъ сего сожалѣнія былъ достоинъ. Теперь понеже ты находишься уже внѣ той пропасти, въ которую

само-

самовольно погрузился, то не оскорбляйся тѣмъ, что мое дружество изчисляетъ всѣ бѣдствїя, случившїяся тебѣ отъ собственнаго твоего легкомыслїя. Увы! продолжалъ Пренвиль, можетъ быть я самъ примѣромъ служу въ тѣхъ слабостяхъ, отъ которыхъ убѣгать тебѣ совѣтую. Такъ любезный С. Аманъ, я уже не тотъ, какимъ ты меня зналъ прежде. Сердце мое непричастное на предъ сего никакимъ слабостямъ весьма перемѣнилось. Я нынѣ не менѣе твоего въ любви чувствителенъ, а ежели и не дошелъ еще до послѣдней крайности, то за сїе обязанъ не собственному моему воздержанїю или разсужденїю, но благоразумїю, скромности и тихому повѣденїю той особы, которая плѣнила мою душу. Осуждай меня любезный С. Аманъ, или сожалѣй обо мнѣ паче. Я противоборствовалъ всею силою моей страсти; но она, овладѣвъ моимъ разсудкомъ, влекла его въ оковахъ за собою, а защищенїе имъ чинимое, лишь только совершеннѣе

учинило побѣду Россалины. Такъ называется та особа, продолжалъ Пренвиль, въ оковахъ которой я страдаю. Знаю довольно, что любовь слабостїю должна почесться; но понеже оной всею силою я противился, то тѣмъ достоинъ нѣкотораго снисхожденїя.

С. Аманъ не могъ осуждать своего друга; понеже и самъ подвластенъ былъ тѣмъ же самымъ слабостямъ. Онъ зналъ, что всѣхъ его дурачествъ причиною были женщины; и по тому не имѣлъ права пошутить и подъ страстїю свого друга. Почто, любезный Пренвиль, говорилъ онъ, упрекаешь ты себя въ томъ, что любишь особу любви достойную? Развѣ нѣжность преступленїемъ почесться можетъ? Или думаешь, что ты долженъ болѣе имѣть твердости, нежели весь родъ смертныхъ? Вмѣсто сокрушенїя твоего, что находишься въ оковахъ Россалины, старайся паче быть счастливымъ. Любовь тѣхъ только дѣлаетъ злополучными, которые нетерпимы; но любовникъ,

бовникЪ, любимый взаимно, колико бы препонЪ не имѢлЪ кЪ своему счастїю, однако несчастнымЪ назвать себя не можешЪ. Позволь спросить себя, продолжалЪ С. АманЪ, благосклонно ли приняты увѢренїя о твоей горячности? ИмѢешь ли надежду, которая бы тебя ласкала; и наконецЪ вѢдаешЪ ли, что любовница твоя кЪ тебѢ неравнодушна? Тогда Пренвиль открылЪ ему всѢ свои обстоятельства, не умалчивая такЪ же и о разговорѢ его вЪ бесѢдкѢ сЪ Россалиною. Ежели не ошибаюсь, отвѢтствовалЪ С. АманЪ, то кажется изЪ всего мною слышаннаго, что ты любимЪ стократно, а по благороднымЪ мнѢнїямЪ твоей любовницы надлежитЪ заключить, что она произхожденїя не подлаго. Но на конецЪ какЪ бы то ни было, ежели она не рождена благородною, такЪ по крайней мѢрѢ достойна быть оною, и ежели бы я былЪ на твоемЪ мѢстѢ и любилЪ бы также страстно какЪ и ты, то бы сїи препятствїя ни мало меня не остановили.

Сей разговоръ привелъ въ смѣхъ Пренвиля. По сему скорому и рѣшительному совѣту говорилъ онъ своему другу: я тебя познаю совершенно; ты почти ни очемъ не тревожился, когда имѣлъ намѣреніе увести дѣвицу Дураццо; но помысли о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ ты себя чрезъ сіе подвергнулъ. Ежели токмо себѣ представишь, что неблагоразумная страсть влечетъ за собою, то конечно не будешь осуждать моихъ размышленій, которыя однако не токмо не изцѣляютъ моей скорби, но паче оную усугубляютъ. Я довольно чувствую, что любовь сильно мною овладѣла, что всѣ старанія мои къ истребленію ея тщетны; и для того твердо вознамѣрился по тѣхъ поръ не удалятся отъ Россалины, пока вовсе не потеряю надежды обладать оною. Можетъ быть судьба смягчится, взирая на мою твердость и постоянство. Я одного съ тобою мнѣнія, отвѣтствовалъ С. Аманъ, и за нѣсколько дней предъ симъ видѣлъ

дѣлъ убѣдительной примѣръ суровости, а по томъ ея благопріятства, которой состоитъ въ слѣдующемъ.

ПОВѢСТЬ ДѢВИЦЫ ДЕ С. ЖИЛЬ И ГРАФА ДЕ МИРМОНЪ

По прибытіи моемъ въ Ліонъ, видя себя на свободѣ, и также уповая вскорѣ соединиться съ тобою, чувствовалъ я неописанное удовольствіе, которое возвратило мнѣ всю прежнюю веселость духа. Я хаживалъ часто въ оперу съ однимъ изряднымъ человѣкомъ, съ которымъ во время моего путешествія познакомился, и которому до самаго Турина ѣхать со мною надлежало. Нѣкогда примѣтилъ я въ ложѣ одну женщину пріятнаго вида и въ величайшемъ при томъ нарядѣ. Я спрашивалъ у своего товарища, которой довольно людей зналъ въ Ліонѣ, какъ называется сія прекрасная особа. Она здѣсь чужестранка, отвѣтствовалъ

валъ онъ, а родилась такъ какъ и я въ Дижонѣ; и по сему то я извѣстенъ о ея состоянiи. Счастiе и любовь привели ее въ здѣшней городъ, и сколь она молода ни кажется, однако уже столь великiя несчастiя испытала, которыхъ бы иной не могъ понести столь великодушно. Не видители вы, продолжалъ онъ, того молодаго человѣка, который стоитъ прямо позади оной. Онъ ея супругъ, потерявшiй болѣе ста тысячь червонныхъ для полученiя сего титла. Имя его Графъ де Мирмонъ. Съ самаго нѣжнаго юношества почувствовалъ онъ сильную любовь къ дѣвицѣ де С. Жиль, коя есть причина любопытства вашего. Родители его, имѣвъ великое богатство, считали себѣ за долгъ сопротивляться заблаговременно такой страсти, которая не соотвѣтствовала нимало ихъ намѣренiямъ. Они хотѣли было женить его на богатой наслѣдницѣ, которая никакого иного достоинства не имѣла, кромѣ своего богатства, и при всемъ безобразiи

была

была угрюма, вздорлива и гордѣлива до крайности. На противъ сего графъ былъ тихъ, пріятенъ, учтивъ и весьма разуменъ. Такое несогласіе свойствъ его съ невѣстою вселило въ него непобѣдимую къ ней ненависть, а пріязнь къ дѣвицѣ де С. Жиль тѣмъ паче усугубило. Онъ видался съ нею ежедневно, невзирая на всѣ строгія запрещенія его родителей, которые угрожали поступить съ нимъ весьма не милосердо, ежели онъ отречется взять въ супружество упомянутую наслѣдницу, которая досадуя съ своей стороны на графа Мормона за то, что онъ отдавалъ предъ нею преимущество дѣвицѣ де С. Жиль, понуждала также родителей его къ учиненію ему насилія. Старый дядя, отъ котораго ожидалъ онъ въ наслѣдство болѣе ста тысячь червонныхъ, паче всѣхъ старался разлучить его съ любовницей.

На конецъ по многимъ безпокойствамъ увидѣлъ Графъ, что ему единое токмо средство оставалось

къ избавленiю себя отъ безпрестанныхъ докукъ его родителей; то есть удалиться въ Италiю по тѣхъ поръ, пока они перемѣнятъ намѣренiя свои въ разсужденiи его брака. Онъ твердо полагаяся на постоянство своей любовницы, увѣренъ былъ довольно, что отсутствiе не изтребитъ его изъ ея сердца. Нѣкогда открылъ онъ ей сiе предпрiятiе: я знаю, говорилъ графъ, что намѣренiе мое покажется вамъ странно; знаю такъ же, что оно вамъ будетъ непрiятно, понеже имѣетъ разлучить насъ на нѣкоторое время: но представте себѣ токмо, что мнѣ единое сiе средство остается избавиться несноснаго союза съ дѣвицею Тюрентинъ (такъ называлась упоминаемая прежде богатая наслѣдница). Пока я въ семъ мѣстѣ пребываю, то она хотя изъ мщенiя, хотя изъ тщеславiя, хотя на конецъ изъ своенравiя стараться будетъ обратить на себя взоръ моихъ родителей, и всѣ другiя ей предложенiя презритъ. Какъ же скоро я внѣ отечества нахо-

находиться буду; то она перемѣнитъ свои мысли. Ея ко мнѣ прїязнь, или лучше сказать тщеславїе, толико власти надъ нею не имѣютъ, чтобы могли принудить ее ожидать моего возвращенїя, которое будетъ со всѣмъ неизвѣстно; какъ же скоро она выдетъ за мужъ, то ни что болѣе не будетъ препятствовать нашему благополучїю; и ежели бы не прельщало родителей моихъ неизчетное ея богатство, то бы они давно уже согласились на наше бракосочетанїе.

Но съ какимъ трудомъ надлежитъ мнѣ сносить твое отсутствїе? отвѣтствовала дѣвица де Жиль. Единое воображенїе онаго въ смертельную тоску меня ввергаетъ. Не можешь ли ты изобрѣсти другихъ средствъ, которыя бы стоили мнѣ менѣе слезъ и огорченїя? Не можно ли преодолѣть препятствїй къ нашему благополучїю, не удаляясь на край свѣта? Единое сїе средство намъ осталось, сказалъ графъ; наше благополучїе зависитъ отъ бракосочетанїя дѣвицы Тюрентинъ, а

оное по тѣхъ поръ не возпослѣдуетъ, пока незвѣстное мое отсутствіе ее къ тому не принудитъ.

Графъ де Мирмонъ уговаривалъ на конецъ любовницу свою согласиться на его отбытіе. Никто не свѣдомъ былъ въ Дижонѣ о семъ предпріятіи, а родственники его услышавъ чрезъ нѣсколько дней, что онъ находится уже въ Туринѣ, пришли въ неописанное удивленіе. Родитель онаго, къ которому писалъ онъ, какъ токмо горы Алпійскіе проѣхалъ, употребилъ повелѣніе и прозьбу, чтобы его возвратить въ отечество, однако тщетно.

Между тѣмъ дѣвица Тюрентинъ легко поняла намѣреніе графа, которое тѣмъ паче увеличило ненависть ея къ своей соперницѣ; а чтобы уничтожить хитрость графа де Мирмонъ, готова она была остаться еще десять лѣтъ дѣвкою, и сносить хотя величайшую отъ того скуку; однако дѣвицу де С Жиль не допустить соединиться съ ея любовникомъ. Нѣжность, любовь

бовь и постоянство, ни малаго не имѣли участія въ семъ предпріемлемомъ терпѣніи; но единое мщеніе производило оное, какъ то и оказалось въ послѣдованіи.

Когда надлежало думать, что предпріятіе графа со всѣмъ опровергнуто, то на противъ того счастіе ему весьма благопріятствовало, и одинъ нечаянный случай, который было привелъ его ко вратамъ смерти, возвелъ онаго на конецъ на верьхъ благополучія. Онъ поѣхалъ изъ Турина въ Медіоланъ, и въ одинъ день прогуливался по лѣску, не очень удаленному отъ сего города. Размышленія о дражайшей любовницѣ нечувствительно завели его въ самый отдаленный край того небольшаго лѣса, гдѣ вдругъ услышалъ онъ голосъ одной женщины, которая просила помощи. Обнаживъ шпагу побѣжалъ онъ не мѣшкавъ на то мѣсто, откуда происходилъ крикъ сей, и пробираясь по лѣсу нѣсколько минутъ, увидѣлъ одного мужчину, требующаго силою благосклонно-

сти отъ молодой женщины, которая защищалась отъ него сколько малыя ея силы дозволяли. Постой мерзкой, закричалъ графъ, или я тебя лишу жизни, и тѣмъ избавлю свѣтъ отъ такого чудовища. Не употребляя самаго дѣйствія, однихъ угрозъ графа де Мирмонъ довольно было. Лишь только бездѣльникъ сей его увидѣлъ, то наипоспѣшнѣйшимъ образомъ въ бѣгъ обратился, и казалось, что страхъ приставилъ ему крылья, которыя его мгновенно унесли изъ виду.

Молодая женщина, которую графъ свободилъ отъ насилія, упавъ къ его ногамъ, обнимала оныя. Онъ ее тотъ часъ поднялъ и успокоивъ нѣсколько ея смущеніе, спрашивалъ о имени того, который сдѣлалъ покушеніе на честь ея. Увы! говорила она, онъ тотъ, котораго я смертельно ненавижу, но котораго погубить честь моя мнѣ возбраняетъ. Сей тигръ, изъ челюстей котораго вы меня изхитили, есть мой дядя и опекунъ; но всего ужаснѣе для меня то, что онъ священникъ,

никъ, долженствующій быть примѣромъ добродѣтели. Я воспитана весьма старательно въ одномъ монастырѣ, которой въ началѣ прошедшаго мѣсяца оставила. Онъ взялъ меня изъ онаго подъ видомъ старанія о моемъ бракосочетаніи. Во время пребыванія моего въ его домѣ, я не могла ни мало примѣтить коварныхъ его предпріятій. Правда, онъ оказывалъ мнѣ много ласки, обнимая меня часто наинѣжнѣйшимъ образомъ; но я думала, что онъ дѣлаетъ все сіе безъ всякаго злаго помысла, но яко дядя племянницѣ. Сего дня предложилъ онъ мнѣ ѣхать дня на два въ загородной нашъ домъ, отстоящій на четверть мили отъ города или меньше. Лишь только въѣхали мы въ средину сего лѣса, то обьявилъ онъ свое намѣреніе, обѣщая подарить мнѣ богатое платье и сыскать вскорѣ хорошаго жениха. Въ удивленіи, а болѣе въ страхѣ, упавъ къ ногамъ его просила я, чтобы онъ помыслилъ о томъ прегрѣшеніи, которое учинить былъ намѣренъ: но слезы

мои и воздыханія лишь токмо понудили его поспѣшить своимъ злодѣяніямъ. Онъ пріуготовился силою отъ меня получить то, къ чему я ему добровольно отказала; но милосердое Небо ниспослало васъ къ защищенію моей невинности.

Слезы, изобильно проливаемыя сею молодою особою, привели въ крайнее соболѣзнованіе графа де Мирмонъ, рожденнаго съ нѣжнымъ и жалостливымъ сердцемъ. Онъ спрашивалъ ее, какое она имѣетъ намѣреніе въ сихъ обстоятельствахъ, и въ чемъ онъ можетъ ей быть полезенъ? Я прошу васъ, говорила она, отвести меня въ тотъ монастырь, откуда я взята недавно моимъ дядею. Никакое другое мѣсто не можетъ меня скрыть отъ нападковъ онаго. Между тѣмъ наиболѣе всего прошу васъ не объявлять никому сего страннаго приключенія, которое ежели учинится извѣстнымъ въ семъ городѣ, то я погибла безъ возврату. Столь горестно мое состояніе, продолжала она, что я должна сберегать величайшаго

чайшаго моего гонителя, котораго стыдъ и поношеніе, чего онъ по справедливости достоинъ, на меня обратится непремѣнно.

Графъ де Мирмонъ обѣщалъ сохранить сіе произшествіе въ тайнѣ. Немедлѣнно по семъ проводилъ онъ сію дѣвицу до воротъ желаемаго ею монастыря, при которыхъ она повторивъ ему свою прозьбу и благодарность, оставила его, не объявляя ему ни о имени, ни о состояніи своемъ. Въ восемь дней послѣ сего графъ ни единаго слова не слыхалъ о семъ приключеніи, и думалъ, что оно тѣмъ токмо и кончилось. Въ одинъ день, какъ онъ въ 10 часовъ вечера возвращался въ домъ свой, напали на него три разбойника, которые не давъ ему время подумать о своемъ защищеніи, пистолетнымъ выстрѣломъ повергли его на землю яко мертва. Они дѣйствительно думали, что онъ лишился жизни и не медля ни мало по семъ скрылись.

Съ полчаса послѣ сего графъ де Мирмонъ безъ чувствія лежалъ

на

на улицѣ. Одинъ Медіоланской дворянинъ, увидѣвъ его мимоходомъ, созвалъ людей для подаянія ему помощи. Пришедъ въ чувство, просилъ онъ, чтобы объявить о семъ приключеніи кому нибудь изъ его служителей. Комнатный его слуга прибѣжалъ всѣхъ скорѣе, и соболѣзнуя о его несчастіи, поспѣшалъ перенести его въ свой домъ. Лѣкарь осмотрѣвъ его рану сказалъ, что она не смертельна. Въ самомъ дѣлѣ спустя три или четыре дни после сего обнадежилъ онъ, что уже ни малаго нѣтъ сумнѣнія о скоромъ выздоровленіи графа.

Между тѣмъ по всему Медіолану разпространился слухъ, что одного Французскаго дворянина застрѣлили. Графъ для споспѣшествованія главному своему намѣренію вздумалъ воспользоваться сею народною молвою. Онъ отправилъ своего служителя, на вѣрность котораго могъ положиться, по почтѣ въ Дижонъ, съ такимъ извѣстіемъ, что будто убили его господина, подъ именемъ Французкаго дворянина.

нина. Но чтобъ не подать никому ни малѣйшаго сумнѣнія о сей вѣсти, то графъ разсудилъ за благо оставить любовницу свою въ общемъ заблужденіи. Ея слезы и отчаяніе паче всего удостовѣрили общество о справедливости сего слуха: но что касается до дѣвицы Тюрентинъ, то она умѣла себя вскорѣ утѣшить. Лишь только тщеславіе и ревность перестали подкрѣплять ея терпѣніе, то она не умедля и вышла за одного дворянина изъ Франшконте, человѣка весьма богатаго, но менѣе любви достойнаго, нежели графъ де Мирмонъ. Онъ лишь только увѣдомился о семъ отъ своего служителя, который ему обьявилъ все то, что въ Дижонѣ ни произходило, то безъ всякаго отлагательства оставивъ Медіоланъ возвратился въ свое отечество. Дѣвица де С. Жиль пришедъ въ отчаяніе о потеряніи своего любовника, вознамѣрилась заключась въ монастырь во всю свою жизнь оплакивать его кончину; и по тому самое малѣйшее медлѣніе въ семъ

слушся

случаѣ могло бы лишить Графа всѣхъ плодовъ его хитрости. Онъ прибылъ въ Дижонъ къ неописанной радости нѣжной любовницы и отягченныхъ печалїю родителей, которые обрадовавшись его увидя, охотно обманъ онаго ему простили. Послѣ сего сочетался графъ съ своею любовницею съ согласїя непреклонныхъ на сїе прежде его родителей и всѣхъ родственниковъ, выключая одного стараго дяди, который крѣпко досадуя, что не удалось ему женить племянника по своему желанїю, лишилъ его наслѣдства, состоящаго во стѣ тысячахъ червонныхъ, которые къ совершенному удовлетворенїю своего своенравїя и отдалъ тому дворянину, котораго дѣвица Тюреншинъ избрала своимъ супругомъ.

Графъ нечувствителенъ былъ къ сей потерѣ, понеже обладанїе его любезною довольно награждало оную. На конецъ любовь изобильно одарила его за всѣ претерпѣнныя имъ несчастїя. Графиня де Мирмонъ вскорѣ послѣ своего бракосочетанїя

соченанія получила весьма знатное наслѣдство, котораго она со всѣмъ не ожидала. Съ мѣсяцъ тому какъ она приѣхала въ сей городъ для полученія онаго, купно съ своимъ супругомъ, которой оставляетъ ее весьма рѣдко, и можно сказать ежечасно усугубляетъ къ ней горячность свою и почтеніе.

Кажется, говорилъ Пренвиль, что счастіе утѣшаетъ себя нѣкоторымъ гоненіемъ тѣхъ, которыхъ желаетъ послѣ одарить обильно своими благодѣяніями. Сіе то самое, продолжалъ онъ, подаетъ мнѣ теперь нѣкоторой лучъ надежды, и можетъ статься, что всѣ мои несчастія со временемъ окончатся. Не сумнѣвайся въ томъ, отвѣтствовалъ С. Аманъ: трудное начало ведетъ почти всегда къ счастливому концу, а удачное на противъ того влечетъ иногда за собою непреоборимыя препятствія. Всякой смертной обязанъ заплатить нѣкоторую дань злой судьбинѣ. Счастливы тѣ, которые из-

ключаются

ключаются отъ сей подати. Я самъ могу служить въ примѣръ такимъ, которые бываютъ въ началѣ своего предпріятія удачны, а подъ конецъ онаго злосчастны. Я имѣлъ всѣ удобности при увезеніи любезной моей Дуротцо изъ Парижа: но какихъ бѣдствій и какихъ ударовъ отъ судьбы непретерпѣлъ я въ послѣдованіи! утѣшься, любезный другъ, говорилъ С. Аманъ, и будь увѣренъ, что твое постоянство смягчитъ суровость рока. Вѣрю всему тому, что ты сказываешь, отвѣтствовалъ Пренвиль, и чтобы на конецъ со мною ни случилось, я вознамѣрился не удаляться отъ Россалины до тѣхъ поръ, пока не узнаю совершенно моей судьбины.

Въ то время, какъ сіи два друга размышляли о удачѣ своихъ предпріятій, Россалина безпрестанно тревожилась воспоминовеніемъ своего любовника. Его образъ всюды за нею слѣдовалъ, и она не находила средства къ истребленію его изъ своего сердца. Пренвиль, клянущійся

нущійся въ бесѣдкѣ ненарушимою до гроба вѣрностію, мечтался ежеминутно ея мыслямъ. Увы! говорила она, когда истинно онъ меня любитъ; то какимъ же безчеловѣчнымъ образомъ награждаю я его вѣрность, повелѣвая ему убѣгать моего взора? Суровый долгъ! несносная благопристойность! колико терзаете вы мое сердце? Позвольтежъ мнѣ хотя на конецъ послѣдовать той страсти, которая меня влечетъ насильно, или подайте довольно твердости къ защищенію себя противъ оной.

Въ восемь дней Россалина ни на минуту не могла успокоиться. Г. Бурсетъ хотя и примѣтила ея смущеніе, но она приписывала его нетерпѣливости получить изъ Венеціи извѣстіе. Ей и въ мысль не приходило того, чтобы любовь была причиною новаго несчастія ея пріятельницы. На конецъ монахини отвѣтствовали на тѣ письма, которыя писала къ нимъ г. Бурсетъ и Россалина. Въ оныхъ объявляли они, что многія неизвѣ-

стныя особы приходили въ монастырь освѣдомлятся о той дѣвицѣ, которая препоручена была ихъ питомству; но они не вѣдая куда старуха повезла Россалину, и не получивъ еще письма ея, не могли имъ никакого объ ней подать извѣстія; и на конецъ понеже сіи особы по полученіи сего письма въ монастырь не казались, то изъ сего заключить должно, что они не находятся уже болѣе въ Венеціи. Къ сему присовокупили и то, что ихъ усильно просили, ежели имъ случится получить какое нибудь извѣстіе о Россалинѣ; то бы писали онѣ въ Медіоланъ по извѣстной надписи, которую при семъ письмѣ и прислали. Письмо отъ монахинь укротило нѣсколько смущеніе Россалины. Она получила чрезъ оное хотя слабую надежду къ узнанію своихъ родителей; но чтобъ нерадѣніемъ и медлѣнностію не потерять сего дражайшаго времени, то она сама хотѣла ѣхать въ Медіоланъ, и тамъ переговорить

рить съ тою особою, на имя которой надпись была оставлена. Можетъ быть, говорила она г. Бурсетъ, тѣ самые, которые принимаютъ участїе въ моей судьбинѣ, суть истинные мои родители? Старуха, взявшая меня изъ монастыря, многократно упоминала, что я родилась въ Медїоланѣ. Не упустимъ сего случая, для открытїя сей для меня столь важной тайны, продолжала она. Всегдашнїя опыты вашей ко мнѣ прїязни удостовѣряютъ меня въ томъ, что вы и нынѣ не отречетесь подать всякое возможное вспомоществованїе, и я не сумнѣваюсь, что вы согласитесь со мною съѣздить въ Медїоланъ. Кромѣ васъ нѣтъ для меня во всей вселенной никого такого, который бы въ подобномъ случаѣ не оставилъ меня своею помощїю. Г. Бурсетъ нѣжно обнявъ свою прїятельницу говорила ей: вы можете по вашему желанїю розполагать всѣмъ тѣмъ, что я имѣю, да и самою мною.

мною. Лишь только вы скажите, то я готова для васъ все исполнить. Ежели соглашаетесь вы, любезная благодѣтельница, отвѣтствовала Россалина, проводить меня въ Медїоланъ, то чѣмъ скорѣе мы выѣдемъ отсюда, тѣмъ для меня будетъ полезнѣе. Не упустимъ сего благопрїятнаго случая, который счастїе мнѣ даруетъ. Статься может, что и малѣйшее медленїе погрузитъ меня въ вѣчное несчастїе. Ежели бы наши письма нѣсколько дней прежде пришли въ Венецїю, то бы я теперь извѣстна уже была о своей судьбинѣ.

Я соглашаюсь на все то, что вамъ угодно, сказала г. Бурсетъ, и на самомъ разсвѣтѣ слѣдующаго дня выѣдемъ изъ города. Наипоспѣшнѣйшимъ образомъ все приготовлено было къ отъѣзду нашему, и назавтрее лишь только ворота городскїя отворены были, то мы и выѣхали изъ Генуи.

Счастїе или лучше сказать любовь, стараясь о соблюденїи здравїя Россалины, вселила въ Пренвиля желанїе

желанїе провѣдать о ея состоянїи. Но какъ онъ не смѣлъ болѣе казаться въ домѣ г. Бурсетъ, то просилъ друга своего, который незнакомъ былъ въ ономъ, чтобы сей, подъ видомъ покупки нѣкоторыхъ товаровъ, освѣдомился о здравїи Россалины. Болѣе всего опасался Пренвиль, чтобы безпрестанныя безпокойства не приключили ей какой ни есть опасной болѣзни. Около недѣли не видалъ онъ и въ церквѣ Россалины, куда она обыкновенно всегда хаживала. Сїе привело его паче всего въ трепѣтъ, понеже женщины въ Италїи развѣ для самыхъ важныхъ причинъ пропускаютъ какое богомоленїе; и хотя въ самой вещи Италїанки небогодохновеннѣе Француженокъ, но наружность святости первыя болѣе послѣднихъ наблюдаютъ.

С. Аманъ прекратилъ безпокойство своего друга, увѣдомивъ его, что Россалина съ госпожею Бурсетъ поутру того дня поѣхали въ Медїоланъ, а супругъ ея по письму графини Дорїи отъѣхалъ на нѣсколько

дней въ ея деревню; и что все сїе узналъ онъ отъ того служителя, который оставленъ былъ единымъ охранителемъ дома г. Бурсета.

Пренвиль услыша сїе извѣстїе и недолго размышляя, вознамѣрился слѣдовать за любезною своею Россалиною, и перемѣнивъ пилигримскую одежду, отправился съ своимъ другомъ немедлѣнно въ Медїоланъ. Они весьма скоро нагнали коляску г. Бурсетъ; но въ какое бѣшенство пришелъ Пренвиль, когда онъ находяся не болѣе ста шаговъ отъ своей любовницы, увидѣлъ трехъ разбойниковъ, которые напавъ на нее и г. Бурсетъ принуждали ихъ сдаться. Онъ, можно сказать, летѣлъ, а не бѣжалъ имъ на помощь, и вспомоществуемъ будучи С. Аманомъ повергъ на землю двухъ мошенниковъ, которые столь сильнаго нападенїя на себя неожидали; третїй же спасся бѣгствомъ, оставя непрїятелямъ двухъ своихъ товарищей, изъ которыхъ одинъ убитъ пистолетнымъ выстрѣломъ, а другой на вылетъ проколотъ

шпагою.

шпагою. Они находились уже при послѣднемъ издыханіи, какъ Россалина и г. Бурсетъ освободясь отъ своего смущенія, узнали въ избавителѣ своемъ Пренвиля.

Великодушный Французъ! вскричала г. Бурсетъ, какою услугою и какою благодарностію могу я довольно заплатить вамъ за оказанное мнѣ благодѣяніе? Я вамъ обязана моею жизнію, и потому всѣмъ; а сія молодая особа, примолвила она, указывая на Россалину, не менѣе же меня вамъ благодарна. Сей день почитаю я счастливѣйшимъ въ моей жизни, отвѣтствовалъ Пренвиль; понеже показалъ въ оной истинное мое къ вамъ усердіе. Клянусь вамъ, государыня, продолжалъ онъ, что ничто въ свѣтѣ не могло бы произвести во мнѣ такого удовольствія, какое чувствую я теперь, избавивъ васъ отъ наступающей опасности. Дѣйствительно, сказалъ онъ обратясь къ Россалинѣ, само небо, хранящее всегда гонимую непорочность, ниспослало меня къ вашему защище-

нїю. Оно соединивъ меня съ моимъ другомъ, вложило въ сердца наши желанїе выѣхать изъ Генуи.

И такъ я вижу съ толикою нетерпѣливостїю ожидаемаго вами друга, отвѣтствовала Россалина. Одолженїе, которое оказалъ онъ намъ сего дня, есть истинный знакъ его къ вамъ дружества. С. Аманъ съ великою учтивостїю благодарилъ ее за сїе привѣтствїе; послѣ чего всѣ находяся въ смущенїи и безпокойствѣ, совѣтовали другъ другу поспѣшать до какого нибудь жила, чтобы отъ претерпѣннаго страха успокоиться.

Не удаляясь еще отъ сего плачевнаго мѣста достопамятнаго объявленнымъ приключенїемъ, Россалина примѣтила, что оно есть то самое, на которомъ она и въ первый разъ была ограблена, а наконецъ взглянувъ на умирающихъ уже разбойниковъ, узнала въ нихъ тѣхъ самыхъ, которыми привязана она была къ дереву. Небо неоставляющее безъ наказанїя ни единаго злодѣянїя, отмстило оби-

ду

ду мою самымъ чуднымъ образомъ, говорила она, и я дѣйствительно признаю справедливый гнѣвъ его въ смерти сихъ разбойниковъ.

Сіи злодѣи мѣсяцовъ съ 6 причиняли убійвства и грабленіи, не будучи ни кѣмъ поиманы; понеже совершивъ свое злодѣйство уходили въ самыя отдаленныя и скрытыя мѣста, между горъ находящіяся, и какіе бы поиски за ними учинены ни были; однако не возможно бы открыть ихъ убѣжища. Италія весьма наполнена сими бездѣльниками, и сколько ни стараются истребить оныхъ, однако тщетно.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Идучи около часа Россалина со всѢми ея товарищами, достигла одного постоялаго двора, гдѢ они остальную часть дня употребили на успокоеніе, отложивЪ отЪѢздЪ свой до слѢдующаго утра. Пренвиль и его другЪ получили дозволеніе отЪ сихЪ женщинЪ проводить ихЪ до самаго Медіолана. Опасность, вЪ которой они за нѢсколько часовЪ находились, принудила оныхЪ сЪ удовольствіемЪ принять сіе предложеніе отЪ своихЪ избавителей.

Пренвиль почиталЪ себя несказанно счастливымЪ, возмогши Россалину привесть до того, что она не запрещала уже болѢе ему убѢгать ея присутствія. Она столь тронута была его благодѢяніемЪ, что не могла болѢе употреблять притворства. Когда же сЪ благодарностію любовь соединена была, то ей тѢмЪ паче тягостно было сопро-

сопротивляться своей страсти, которая ее къ Пренвилю привлекала. Глаза, не повинуясь болѣе разсудку, обьявляли тайну ея сердца. Я ему обязана моею жизнїю помышляла она, а ежели обрѣту родителей, то обязана ему буду и моимъ счастїемъ. Но всѣ благодѣянїя, которыя онъ оказалъ мнѣ, не столь драгоцѣнны, какъ единая его нѣжность. Она одна можетъ меня учинить благополучною; но по всему вижу, что мнѣ не возможно будетъ наслаждаться оною.

Въ то время, какъ Россалина упражнена была сими мыслями, г. Бурсетъ, желая осмотрѣть изрядный садъ подлѣ сего постоялаго двора находящїйся, пошла въ оный съ Сентъ Аманомъ, пригласивъ его въ товарищи. Пренвиль пользуяся симъ благосклоннымъ случаемъ, остался на единѣ съ своею обладательницею, которая по претерпѣнїи упомянутой прежде опасности, въ такой слабости еще находилась, что не могла слѣдовать за своею прїятельницею. Не я тому причи-

ною, прекрасная Россалина, говорилЪ Пренвиль, что вЪ противность повелѣнія нахожуся сЪ вами; но любовь, владычествующая мною, желая употребить меня кЪ вашему спасенїю, стопами моими управляла. Когда вы чрезЪ нѣсколько дней сЪ двора не выходили, то она наполнивЪ сердце мое смущенїемЪ, вдохнула вЪ него любопытство провѣдать о вашихЪ обстоятельствахЪ. УзнавЪ же, что вы поѣхали вЪ МедїоланЪ, немедлѣнно и самЪ отправился вЪ сей городЪ, желая хотя находясь сЪ вами вЪ одномЪ мѣстѣ единымЪ питаться воздухомЪ. ВамЪ извѣстно, что послѣ сего со мной случилось, и ежелибЪ. . . Знаю, знаю, прервала рѣчь его Россалина, что сердцу моему надлежало бы быть наградою за столь важное благодѣянїе; но вамЪ не безЪизвѣстно мое состоянїе. Вы сами признаетесь, что я не могу разполагать такимЪ имѣнїемЪ, надЪ которымЪ другїя полномочную власть имѣютЪ; но ежели бы токмо слѣдовать мнѣ моимЪ чувствї-

ямЪ,

ямъ, то повѣрьте, великодушный Пренвиль, чтобы вы злощастны не были. Я не хочу скрыть сего. Не имѣвъ еще отъ васъ никакого одолженїя, чувствовала я къ вамъ такую склонность, которую можно назвать страстнѣйшею любовїю; но при всемъ томъ знаю, что повелѣваетъ мнѣ честь и здравый разумъ. Знаю и то, что не наруша благопристойности не могу ослушаться сихъ строгихъ повелителей. Жалуйтесь на судьбу, а не на меня о вашемъ несчастїи, которое бы я весьма скоро прекратила, когда бы токмо мнѣ было то возможно. Станется, что уже счастїе намъ лучшую судьбу приуготовляетъ. Я ѣду въ Медїоланъ, надѣясь обрѣсти тамъ моихъ родителей. Не возбраняю вамъ просить ихъ о совершенїи вашего благополучїя; а ежели оно отъ моей воли зависѣть будетъ, то повѣрьте, что я не умедлю вамъ даровать его. Но ежели злобная судьба не возвратитъ мнѣ родителей, то я не въ силахъ уже буду прекратить вашего несчастїя. По край-

ней мѣрѣ я его раздѣлю съ вами, и ежели сострадание мое будетъ вамъ приятно, то вы въ скорби вашей будете еще имѣть нѣкоторую отраду. Знаю, что вы имѣете право требовать, чтобы я сама разполагала моею рукою, но можетъ быть она предъопредѣлена уже кому нибудь другому отъ моихъ родителей; однако они, не упоминая вашего произхождения и богатства, не имѣли бы причины и опорочить собственный мой выборъ.

Я не заслуживаю той милости, которую вы мнѣ являете, отвѣтствовалъ Пренвиль, и сколько бы судьба сурова противъ меня ни была, однако я сочту себя всегда счастливымъ; понеже вы меня не ненавидите. Старания, попечения и труды самые тягчайшие будутъ для меня впредь приятны; понеже мнѣ позволено надѣяться. Чего мнѣ желать болѣе? Но прекрасная Россалина, продолжалъ Пренвиль, я не думаю, чтобы судьба не смягчилась противъ такой особы, которая ея благосклонности толико

достойна, какъ вы. Любовь, подавшая мнѣ случай спасти жизнь вашу въ началѣ сего путешествія, есть истинный залогъ въ томъ, что окончаніе онаго не будетъ неудачно. Но чтобы судьба ни произвела съ вами, позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ отъ васъ не удаляться. Ежели вы опасаетесь слышать отъ меня нѣкоторыя слова нѣжностію въ уста мои влагаемыя, то повѣрьте, что я умѣю себя къ молчанію принудить, и сколько бы сіе принужденіе тягостно для меня ни было; однако, желая соблюсти всѣ ваши певелѣнія, и опасаясь въ противномъ случаѣ раздражить васъ, согласуюсь понести оное безъ роптанія. Наслаждаясь ежечасно зрѣніемъ вашихъ прелестей, умерщвлю мои воздыханія, и буду содержать языкъ во всегдашней неволѣ. Глаза мои не менѣе скромны будутъ и не изъявятъ вамъ ничего кромѣ глубокаго почтенія.

Получа отъ васъ столь много одолженія, не могу требовать, чтобы вы удалились моего присутствія,

вїя, отвѣтствовала Россалина. Признаюсь, что любовь и благодарность опровергают сїю строгость; но къ чему все сїе стремиться будетъ? Я знаю, что общїя наши сокрушенїя тѣмъ паче увеличатся; знаю, что мое слабое сердце безпрестанно влекомо будетъ къ тому сокровищу, котораго строгїй долгъ его лишаетъ. Ваше отсутствїе способствовало бы взаимному нашему спокойствїю, и можетъ быть въ разлукѣ другъ отъ друга нашли бы мы исцѣленїе нашей скорби... Увы! Прекрасная Россалина, вскричалъ Пренвиль, запрещенїе васъ видѣть всего тягостнѣе для меня въ свѣтѣ. Повелѣвайте или оканчать дни мои или находиться при васъ безотлучно. Я сказала уже вамъ, отвѣтствовала Россалина, что не имѣю права возобновить вамъ повелѣнїя меня не видѣть. Живите и находитесь всегда со мною, когда дни ваши отъ суетнаго сего счастїя зависятъ.

Пришествїе г. Бурсетъ прекратило разговоръ сей. Сентъ Аманъ кото-

которому свобода отъ монастырскаго ученія возвратила весь шутливый и веселый нравъ его, старался сколько возможно было повеселить до ужина разговорами своими сихъ женщинъ; а какъ они думали на самомъ разсвѣтѣ пуститься въ путь свой, то заблаговременно и ушли въ ихъ спальню; но въ самую средину ночи разбужены они были однимъ приключеніемъ, которое и весь постоялый домъ встревожило.

ПОВѢСТЬ ОТЦА АНЖЕЛЛО И ИЗВОЩИКА ІОАННИНИ.

Въ семъ постояломъ домѣ жила одна дѣвушка изряднаго нрава. Она находилась всегда въ готовности исполнять надобность всякаго проѣзжающаго, и ни въ какомъ требованіи отказывать ему не любила. Сей промыслъ, который отправляла она съ великою скромностію и искуствомъ, приносилъ ей довольно денегъ. Оныя и опредѣлены ею

были на приданое. Одинъ Піемонтской извощикъ былъ тотъ счастливецъ, котораго она назначила своимъ супругомъ, даровавъ ему на щетъ будущаго ихъ гимна довольные знаки ея горячности. Іоаннини, такъ назывался сей извощикъ, считалъ себя единымъ обладателемъ прелестей Юліи, не вѣдая того, что было весьма много участниковъ въ его сокровищѣ. Но Юлія готовилась быть его супругою, то она всячески скрывала отъ него свое повѣденіе, и въ то время, какъ Іоаннини бывалъ въ постояломъ домѣ, казалась она воздержнѣе самой Кармелитской монахини (*); когдажъ онъ напротивъ того бывалъ въ отлучкѣ, то она

обиль-

(*) Кармелитской орденъ есть почти самый строжайшій изъ всѣхъ женскихъ. Монахини онаго, нося токмо однѣ волосяницы, ходятъ босыми ногами, употребляютъ пищу самую суровую, и много подобнаго сему соблюдать обязаны.

обильно награждала себя за понесенное воздержанїе.

Нѣкоторый монахъ, называемый отецъ Анжело, одинъ изъ наилучшихъ Францисканов, бродящихъ по Италїи, обратилъ въ ничто все благоразумїе предосторожности Юлїи. По прибытїи его въ сей постоялый домъ, вскинулъ онъ набожные свои взоры на сїю рѣзвую служанку, и будучи въ любовныхъ обхожденїяхъ преискусенъ, вознамѣрился испытать цѣломудрїе сей веселой дѣвушки, и присоединить ее, ежели возможно, къ изрядному числу другихъ, которыя въ спискѣ его находились. Такимъ образомъ съ скромнымъ видомъ подступивъ онъ къ сей Лукрецїи (*), взялъ у ней руку, и нѣжно пожимая оную говорилъ такъ: ну, дочь моя, рачительно ли ты отправляешь свою должность? Хозяинъ дозоленъ ли

(*) Лукрецїя была римская женщина, которая сама себя убила, не могши снести учиненнаго ей насилїя отъ Секста сына гордаго Тарквинїя.

ли твоими услугами? когда повинуемся мы тѣмъ, которые имѣютъ право повелѣвать нами, то тѣмъ самимъ повинуемся Богу.

Я всякаго стараюсь по возможности моей удовольствовать, отвѣтствовала Юлїя, да думаю и господа на меня не пожалуются. Тѣмъ лучше, отвѣтствовалъ францисканецъ. Я люблю молодыхъ дѣвушекъ скромныхъ и послушныхъ, примолвилъ онъ, и хочу подарить тебѣ изрядные чоточки, украшенныя серебряными бляшками, и благословенныя самимъ Папою, токмо съ тѣмъ, чтобы ты воспоминала меня въ твоихъ молитвахъ. Мнѣ бы надлежало препоручить себя вашимъ, отвѣтствовала смиренно Юлїя. Боже мой, вскричалъ францисканецъ, я не столь святъ какъ ты думаешь. Я бы хотѣлъ быть такимъ, но напротивъ того есть великїй грѣшникъ, котораго спокойствїе весьма скоро нарушится, когда часто на тебя смотрѣть буду. Ты столь хороша собою дѣвушка, что всякаго въ соблазнъ привести можешь, и хотя я для моего

путешествія не болѣе двухъ золотыхъ цехиновъ при себѣ имѣю; однако и тѣми бы охотно тебѣ жертвовалъ. Но ты знаешь радость моя, что обходясь съ нами надлежитъ умѣть хранить тайну. Правда, что женщины и собственную въ томъ находятъ пользу; потому что отъ насъ никогда не пронесется объ нихъ худая слава. Мы такъ же, какъ и вы, продолжалъ Францисканъ, имѣемъ нужду въ покрывалѣ для закрытія онымъ дѣлъ нашихъ отъ общества. Столь полезныя предложенія поколебали сердце Юліи. Двухъ золотыхъ цехиновъ и сохраненія тайны было не токмо довольно, но еще много для прельщенія услужливой служанки; да кажется, что уменьшая и увеличивая сію сумму и многихъ Европейскихъ женщинъ соблазнить бы можно было.

Между тѣмъ нѣкоторое почтеніе, которое одеждою Францисканскою вдохнуто было въ сердце Юліи, принудило ее не отвѣтствуя ничего потупить глаза въ

землю,

землю. Молчанїе было знакомъ внутренняго ея согласїя, а искусный Францисканецъ и примѣтилъ немедлѣнно дѣйствїе его цехиновъ. Когда всѣ успокоятся, то я принесу въ твою спальню сїю небольшую сумму, говорилъ онъ, показывая ей свои деньги, и не забуду такъ же и обѣщанныхъ тебѣ четокъ. Но припомните и то, что госпожа моя ложится весьма поздно, отвѣтствовала Юлїя; и такъ подъ какимъ предлогомъ не возвратитесь вы въ вашу спальню. Въ семъ случаѣ служебникъ мой за меня отвѣтствуетъ, сказалъ святыню злоупотребляющїй Францисканецъ, ежели я захочу, то служенїе продолжать буду до самаго разсвѣта; и такъ товарищи не могутъ ни въ чемъ подозрѣвать меня, какъ бы поздно я къ нимъ не возвратился. Вы довольно благоразумны, говорила Юлїя, дѣлайте все такъ какъ вамъ угодно. Я сплю въ сей маленькой комнатѣ, которая находится подлѣ кухни. Я не замкну дверей у оной, и вы смѣло приходите, токмо

не

не забывайте чотокъ и двухъ цехиновъ.

Лишь токмо мѣсто свиданія было назначено, то святый отецъ во весь вечеръ убѣгалъ отъ разговоровъ съ Юліею, опасаясь тѣмъ навлечь на себя подозрѣніе. На конецъ накрыли столъ на пять приборовъ; при чемъ набожный Францисканъ, испрося у женщинъ позволенія, сѣлъ съ ними ужинать. Во время стола мудрыми и душеспасительными своими разговорами обратилъ къ себѣ всѣхъ присутствующихъ, и цѣлыя почти страницы прочитывалъ изъ пролога хотя и не очень къ стати: однимъ словомъ, не оставилъ онъ ни одного святаго, чтобы не расказать чего нибудь о чудесахъ его. Паче же всего превозносилъ непорочность Карла Великаго, воздержаніе Доминика, учредителя инквизиціи, и терпѣніе Игнатія, который будучи тритцати лѣтъ, давалъ себя сѣчь лозами такъ какъ ученикъ 12 ти или 15 ти лѣтъ, между которыми онъ находился. Вышедъ изъ

изъ за стола вооружился онъ своимъ большимъ служебникомъ, и обьявилъ всѣмъ присутствующимъ, что праздникъ завтрашняго святаго есть не послѣднїй; и по тому служба его продолжаться имѣетъ весьма не долго. На конецъ примолвилъ, что хотя онъ находится и въ дорогѣ, однако по чину своему долженъ нѣкоторые обряды совершить непремѣнно. Женщины, Пренвиль и С. Аманъ оставивъ сего почтеннаго отца возвратились въ свои покои. Хозяйка соскучивъ такъ же слушать его ворчанїе, которое не умолкая продолжалъ онъ болѣе трехъ часовъ, читая псалмы, ударяя себя въ грудь и дѣлая частыя колѣнопреклоненїя, оставила его въ набожной сей работѣ и ушла спать.

Все способствовало такимъ образомъ любовнымъ дѣламъ роскошнаго монаха, который видя, что вездѣ глубокая тишина господствовала, взялъ свои цехины и четки, и пошелъ по тихоньку въ комнату своей любовницы. Она ожидая

къ себѣ гостя не загасила одной не большой лампады, при сіяніи которой увидѣлъ Францисканецъ свою Юлію, лежащую на весьма дурной постелѣ, которая однако влюбленнымъ глазамъ его казалась прекрасною и великолѣпною. Затворите двери, сказала ему служанка. Хотя люди и спятъ; однако предосторожности не мѣшаютъ. Францисканецъ исполнилъ ея повелѣніе и заваливъ всѣ входы въ сію комнату, раздѣлся и легъ подлѣ любезной своей Юліи. Онъ яко искусившейся Францисканъ, не долго пребывая въ первомъ положеніи, вздумалъ отъигрывать свои цехины и прочее. Чуть только началъ онъ сладкое сіе провожденіе времени, какъ услышалъ нѣкоторой шумъ подлѣ кровати; но подумавъ нѣсколько, приписалъ его сугубой тягости. Спустя нѣсколько времени почувствовалъ жестокія себѣ удары. Въ истинну ходила около его спины добрая почтовая плеть, которая и принудила Францискана, яко алчнаго ястреба, разстаться съ

своею

своею добычею. Когда бы онъ во всѣхъ свѣтскихъ, а паче любовныхъ приключенїяхъ не столько былъ искусенъ, то бы въ перьвомъ страхѣ конечно подумалъ, что сатана наказуетъ его за учиненное прегрѣшенїе; но непогасшая еще лампада тотчасъ показала, что ему раздѣлаться должно не съ духомъ, но съ человѣкомъ имѣющимъ плоть и кости. Юлїя пришла еще въ пущее замѣшательство, когда она въ семъ зломъ духѣ узнала извощика Іоаннини, готовящагося быть ея супругомъ. За нѣсколько еще времени предъ симъ имѣлъ онъ на нее нѣкоторое подозрѣнїе, примѣтя, что она долго съ Францисканцомъ разговаривала, вздумалъ присмотрѣть по прилѣжнее за ея поведенїемъ, и для того легъ подъ кровать оной. Но какъ извощикъ такъ сказать дышалъ ненавистїю и ревностїю къ почтенному отцу, то онъ не удовольствуяся перьвымъ его наказанїемъ, и возобновивъ оное влепилъ въ спину онаго около полудесятка

самыхъ жестокихъ ударовъ плетью, которые изторгли изъ него ужасной вопль и принудили его дѣлать самыя странныя тѣлодвиженія.

Извощикъ забавляяся симъ дѣйствіемъ, повторилъ оное нѣсколько разъ по прежнему порядку; но чтобъ довершить сію комедію, то счелъ онъ за нужное наказать и любовницу свою за ея невоздержность. Лишь только сдѣлалъ онъ ей нѣсколько ударовъ плетью, то она начала кричать изо всей силы. Вопль соединненый съ плачемъ наставника душъ, который разбудилъ всѣхъ находящихся въ постоялом домѣ, кои въ несказанномъ замѣшательствѣ сбѣгались къ тому мѣсту, откуда произходилъ оный. Пришедъ же къ спальнѣ Юліи, никто не могъ отворить дверей въ оную. Извощикъ не взирая на сіе, поимавъ обѣихъ любящихся безъ милосердія наказывалъ плетью, точно почти такъ, какъ сѣкутъ манежныхъ лошадей, привязанныхъ между двумя столбами.

На

Наконецъ безпрестанное повторенїе ударовъ выведши Пренвиля и С. Амана изъ терпѣнїя, принудило ихъ дверь выломить. Тогда хозяинъ купно съ хозяйкою вошли въ сїю комнату, и увидя Іоаннини въ семъ упражненїи, къ такое пришли удивленїе, что не въ состоянїи были утишить гнѣвъ свирѣпаго извощика, и прервать немилосердое его наказанїе, которое онъ и въ присутствїи всѣхъ зрителей продолжалъ по прежнему, какъ надъ своимъ соперникомъ, такъ и любовницей. Усмиривъ наконецъ волнующееся сердце, разказалъ онъ всѣмъ присутствующимъ приключенїе сїе, такъ какъ оно дѣйствительно происходило; послѣ чего и изгнана была изъ дому съ немалымъ стыдомъ бѣдная Юлїя. Нѣкоторой остатокъ нѣжности въ извощикѣ удерживалъ руку его, когда онъ наказывалъ свою невѣрную любовницу, и потому полученные его удары несравненно были легче тѣхъ, коими наградилъ онъ преподобнаго Францискана, который кажется, что

что мѣсяца съ два послѣ сего могъ еще чувствовать слѣдствіи своей неумѣренности. Онъ лишился двухъ цехиновъ и четокъ, а сверхъ сей договоренной цѣны высѣченъ былъ безъ всякаго милосердія.

Столь смѣшное приключеніе привело въ смѣхъ всѣхъ присутствующихъ. Женщины перьвыя тому хохотали. Госпожа Бурсетъ развеселяся симъ позорищемъ, хотѣла пристальнѣе посмотрѣть на Францисканца. Она дожидалась въ кухнѣ, пока онъ одѣлся и вышелъ изъ Юліиной спальни, но его видъ былъ столь печаленъ, что ей совѣстно было усугубить его прискорбіе своими насмѣшками, и она не сказавъ ни слова дала ему пройти спокойно. Вы очень великодушны, сказалъ Сентъ Аманъ госпожѣ Бурсетъ, и ежели бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, то бы изъ сего сдѣлалъ себѣ цѣлую комедію. Развѣ бы тебѣ непротивно было, сказалъ ему Пренвиль, когда бы во время твоего монашества, по учиненіи жестокихъ тебѣ побоевъ, сдѣ-

лали бы такую же насмѣшку. Когда бы мнѣ случилось быть въ подобныхъ симъ обстоятельствахъ, отвѣтствовалъ С. Аманъ, то бы и я послѣдовалъ его примѣру, понесъ все съ терпѣнїемъ. И подлинно, примолвила госпожа Бурсетъ, ему ничего лучшаго не можно было сдѣлать. Послѣ сего понеже ѣхать въ путь было еще рано, а ложиться паки спать весьма поздно, то они проводили остальную часть ночи разказыванїемъ другъ другу подобныхъ сему приключенїй.

Лишь только разсвѣтать начало, то всѣ путешествующїе къ отъѣзду прїуготовились. Превиль и С. Аманъ изготовили также коляски для своихъ женщинъ; но токмо что они хотѣли садиться въ оныя, какъ прiѣхала въ сей постоялый домъ другая провождаемая двумя верховыми. Госпожа Бурсетъ полюбопытствовала знать, кто таковы были проѣзжающїе въ оной; но не успѣла еще коляска сїя приближиться къ крыльцу, какъ она увидѣла въ ней графа Дорїо, который

торый увидя ее взаимно, казался быть тѣмъ весьма доволенъ Онъ какъ скоро вышелъ изъ коляски, то обнявъ г. Бурсетъ говорилъ ей вы, дражайшая прїятельница, храните у себя мое имѣнїе, которое я выше всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ почитаю. Но что такое вамъ принадлежащее я у себя имѣю? съ великимъ удивленїемъ отвѣтствовала г. Бурсетъ. Гдѣ находится та молодая дѣвица, которую вашъ супругъ вручилъ вамъ, сохранивъ жизнь ея? Вотъ она, отвѣтствовала г. Бурсетъ, указывая на Россалину. Ахъ, любезная дочь! вскричалъ графъ, заключивъ ее въ свои объятїя. Колико слезъ я по тебѣ пролилъ! Но они обильно награждены тѣмъ удовольствїемъ, которое я увидѣвъ тебя чувствую.

Россалина находясь почти безъ чувствїя, не могла ничего отвѣтствовать, и токмо что отъ радости проливала слезы; на конецъ ободряся говорила такъ: дражайшїй родитель, я теперь начинаю чувствовать совершенное удовольствїе, по-

неже имѣю счастїе облобызать того, который бытїе даровалъ мнѣ, и котораго я съ толикою жадностїю обрѣсти желала. Гласъ естества повелѣвалъ уже мнѣ любить и почитать ваше имя; разсуждайте, любезный родитель, о великости настоящаго моего благополучїя по обширности желанїя получить оное. Твои мысли, любезная дочь, возводятъ меня на высочайшїй степень удовольствїя, и небо разлучившее насъ на нѣкоторое время, возвращаетъ мнѣ тебя со всѣми достоинствами, принадлежащими твоему произхожденїю.

Послѣ перьвыхъ движенїй радости графа Дорїи, онъ, госпожа Бурсетъ, Россалина, С. Аманъ и влюбленный Пренвиль, который веселился о ея благополучїи, какъ о своемъ собственномъ, вошли въ постоялый домъ. Я не имѣю теперь нужды, любезная дочь, говорилъ графъ, скрывать отъ тебя причины разлуки нашей. Какъ скоро провѣдалъ я чрезъ письмо отъ монахинь Венецїанскихъ о твоемъ при-

приключеніи, то не медля ни мало самъ отправился къ г. Бурсетъ, опасаясь уже иному кому тебя повѣрить. Съ сими намѣреніями выѣхалъ я изъ Медіолана, гдѣ находился было для скорѣйшаго свиданія съ тобою и удобнѣйшаго полученія извѣстій отъ тѣхъ служителей, которыхъ я посылалъ въ Венецію для освѣдомленія о твоемъ приключеніи. Для сихъ же самыхъ причинъ, то есть для свиданія съ вами, и мы ѣхали въ Медіоланъ, отвѣтствовала г. Бурсетъ, надѣясь посредствомъ надписи, которую мы изъ Венеціанскаго монастыря получили, обрѣсти родителей прекрасной Россалины. На конецъ по многимъ разговорамъ сказалъ графъ, что онъ не можетъ болѣе терпѣть, чтобы не объявить имъ дѣйствительную причину побудившую его скрывать отъ общества рожденіе своей дочери.

ПОВѢСТЬ ЛУЦИНДЫ КВАГЛІО И ГРАФА ДОРІИ.

Вамъ извѣстно, продолжалъ онъ, что родители моей супруги опредѣлили ее принесть въ жертву своему сыну, и отдавъ ее въ монастырь оставить ему въ наслѣдство все свое имѣніе, а тѣмъ самимъ подать способъ достигнуть величайшихъ достоинствъ въ Республикѣ. Баронъ Кваглїо принудилъ дочь свою въ пятнатцать лѣтъ постричься. Младая Луцинда, такъ называлась тогда моя супруга, заключена была въ монастырь хотя и не весьма строгой, но однако скучной и несносной для того, который находится въ немъ по неволѣ. Я имѣлъ въ сей обители родственницу, которую посѣщалъ не рѣдко. Полтора года спустя послѣ постриженія Луцинды, въ одно время случилось мнѣ быть у решетки, подлѣ которой находилась и она для свиданія съ своею пріятельницею. Я разговаривалъ

ривалъ съ нею около получаса и нашелъ въ оной столь много остроумїя и здраваго разсужденїя, что въ сердцѣ моемъ родилось сожалѣнїе о ея дурной участи. Съ огорченїемъ увидѣлъ я приближенїе того часа, который имѣлъ насъ разлучить, и не разставшись еще съ нею спрашивалъ, часто ли она приходитъ къ сей решеткѣ? Почти всякой день у ней бываю, отвѣтствовала Луцинда. По какому же нещастїю никогда я васъ не видалъ прежде, говорилъ Графъ? Для того, сказала она усмѣхаясь, что вы дурно умѣете избирать время; но ежели вы всякой день въ 11 часовъ приходить будете, то конечно никогда не пожалуетесь болѣе на неудачу. Не вѣрьте ей, сказала мнѣ перервавъ рѣчь ея та женщина, съ которой она прежде разговаривала; Луцинда забавляется и хочетъ токмо васъ провести. Она никогда въ объявленное время къ решеткѣ не приходитъ; но я дѣйствительно вамъ скажу, въ которые часы она находится у оной.

Приходите завтре въ 2 часа по полудни. Вы увидите исполненіе словъ моихъ; я вамъ за сіе ручаюсь, понеже я и сама въ сіе же время пріиду съ нею повидаться.

Луцинда долго опровергала увѣдомленіе ея пріятельницы, объявляя взаимно, будто она токмо на мой щетъ повеселиться думаетъ. Не взирая на всѣ сіи споры и пришедъ на завтрее въ два часа по полудни, нашелъ Луцинду купно съ своею пріятельницею у решетки. Вотъ, государыня, говорилъ я ей, вы видите, что я справедлнвымъ наставленіямъ послѣдовалъ, оставя съ неудачею ваше ложное объявленіе. Вы тѣмъ обязаны госпожѣ Коріо, а не собственной догадкѣ вашей, отвѣтствовала она. Ей хотѣлось вамъ показать, что она меня чистосердечнѣе; но я васъ увѣряю искренно, что вы надежны вѣрить ея словамъ больше нежели моимъ. Я ее довольно знаю, продолжала Луцинда смѣючися, и смѣю васъ увѣрить, что она сего дня для того токмо пришла въ объявленное время,

мя, чтобы тѣмъ болѣе вкрасться въ вашу повѣренность. Какъ бы то ни было государыня, отвѣтствовалъ я ей, однако считаю себя весьма обязаннымъ госпожѣ Корїо, и хотя бы ея пришествїе основано было на чистосердечїи или на хитрости; однако я имъ равно доволенъ, понеже посредствомъ его имѣю удовольствїе васъ видѣть. Ежели то такъ, отвѣтствовала госпожа Корїо, то я покажу вамъ, что я чувствительна противъ вашей ко мнѣ благодарности! и такъ объявляю вамъ, продолжала она, что Луцинда всякой день видается со мною въ сїе время, и вы всегда найдете ее въ два часа по полудни у решетки. Не вѣрьте ей, прервала рѣчь ея Луцинда. Она не всегда бываетъ искренна. Не можно мнѣ сумнѣватся ни мало о справедливости словъ г. Корїо, послѣ сего перьваго опыта ея чистосердечїя, отвѣтствовалъ я. Такъ, такъ, вы въ нихъ никогда не ошибетесь, примолвила она смѣючися, и увидите, что я лгать не умѣю.

Съ сего самаго дня не рѣдко видаяся съ Луциндою, нечувствительно лишился я моей свободы. Съ госпожею Корїо удалось мнѣ тѣсное заключить дружество , а она примѣтя страсть мою, имѣла повѣренность во всѣхъ моихъ тайностяхъ, и послѣ немало способствовала къ моему благополучїю.

Луцинда была противъ меня такъ же нечувствительна ; любовь и надъ нею, равно какъ и надо мною, распространила свою силу. Она хотя и старалась оной сопротивляться, однако на конецъ побѣда моя была совершенна. Прекрасные ея глаза, возвѣстивъ мнѣ тайну ея сердца, объявили мое благополучїе; но чрезъ долгое время не могъ я изъ устъ ея получить сего сладчайшаго признанїя. Вѣчные ея съ монастыремъ союзы казались ей непреодолимыми препонами къ достиженїю общаго нашего благополучїя.

Любовь уничтожила однако всѣ сїи затрудненїя. Луцинда одинакимъ со мною пылая пламенемъ, не

препят-

препятствовала мнѣ въ изысканіи путей къ общему нашему счастію, и я не находилъ удобнѣе того, которой мы чрезъ помощь монастырской привратницы имѣть могли. Сто пистолей преклонили ее на мою сторону, и она учиня на воску изображеніе ключей отъ дверей монастырскихъ, немедлѣнно мнѣ подарила оное. Здѣлавъ по сему образцу свои ключи входилъ я помощію ихъ почти каждою ночь въ садъ монастырской, въ которомъ проводилъ я съ Луциндою самыя сладчайшія для любящихся минуты. Слѣдствіе сихъ свиданій привело обѣихъ насъ въ смущеніе. Она примѣтила свою беременность, и я не теряя времени въ тщетныхъ сокрушеніяхъ, старался о отвращеніи предстоящаго ея нещастія. На конецъ по многомъ размышленіи не находилъ инаго спасенія кромѣ разрѣшенія клятвъ ея отъ Папы. Въ слѣдствіе сего поѣхалъ я по почтѣ въ Римъ, и объявивъ, что она насильно приняла на себя иноческій образъ. имѣлъ счастіе въ 4 недѣли исходатайствовать ей разрѣшеніе

отъ монашества, не взирая на всѣ сопротивленія ея родителей.

Лишь только Луцинда вышла изъ монастыря; то, видя приближеніе разрѣшенія своего отъ бремени, поспѣшила сочетаться со мною законнымъ бракомъ. Мы надѣялись, что имѣющейся родиться младенецъ можетъ почесться за семи мѣсячный, а потому и начавшійся, уже по освобожденіи изъ монастыря Луцинды; но скоро послѣ сего примѣтили, что надежда суетно насъ ласкала. Разрѣшеніе ея находилось несравненно ближе, нежели мы думали: но какъ Луцинда не могла того снести, что обществу открыта была ея слабость, учиненная еще въ монашествѣ; то немедлѣнно и отправились мы въ наши деревни. Въ семъ мѣстѣ супруга моя тайно родила Россалину, которую и отдалъ я воспитывать одной старухѣ, не объявляя кому она принадлежала. Возраститвъ же до трехъ лѣтъ препоручилъ я другой женщинѣ отдать ее въ одинъ монастырь въ Венеціи.

Кажется, что небо желало насЪ наказать за отдаленїе того младенца, которое оно намЪ доровало; понеже во время 17 ти лѣтЪ нашего брака, хотя мы и столь же горячо другЪ друга любимЪ, какЪ перьвый день сочетанїя моего сЪ Луциндою, однако Россалина ни брата, ни сестры у себя не имѣла. Между тѣмЪ желанїе увидѣть единородную дочь свою истребило суетныя мнѣнїя графини Дорїи. За нѣсколько мѣсяцовЪ предЪ симЪ посылалЪ я вЪ Венецїю туже самую женщину, которая Россалину вЪ монастырь отдала для изключенїя ее изЪ онаго, принудивЪ ее на передЪ учинить клятву, чтобы не обЪявлять Россалинѣ до прибытїя вЪ Генуу ея состоянїя, а при томЪ для удовольствїя нѣкоторымЪ образомЪ ея любопытства увѣрить бы ее, что она родилась вЪ Медїоланѣ.

Всѣ сїи предосторожности принялЪ я сЪ тѣмЪ намѣренїемЪ, чтобы молодая особа услыша вдругЪ, что она отЪ знатнаго произходитЪ рода, нескромностїю своею не открыла

крыла тайны о ея рожденїи, и тѣмъ бы не нанесла безславїя Луциндѣ, которая онаго всего болѣе опасалась. Разсуждайте теперь о моемъ безпокойствѣ, когда я чрезъ два мѣсяца тщетно ожидалъ моей дочери и старухи, которая за нею была послана, никакого объ нихъ не получалъ извѣстїя. Я писалъ къ Венецїанскимъ монахинямъ ложнымъ назвавшись именемъ, и посылалъ многихъ служителей для освѣдомленїя, что приключилось съ Россалиною, однако тщетно. Неизвѣстность сїя приводила меня въ отчаянїе, и я для удобнѣйшаго продолженїя моихъ поисковъ поѣхалъ въ Медїоланъ, а графиня для скрытїя отъ общества своей грусти отправилась въ деревню. Но когда я уже почиталъ себя совершенно лишеннымъ моей дочери, въ то время получилъ письмо отъ монахинь, которыя по ложной надписи, оставленной у нихъ моими служителями, увѣдомляли меня о всѣхъ приключенїяхъ Россалины. Лучше вообразить, нежели

описать можно тогдашнюю мою радость. Не медля посл҃ сего ни мало по҃халъ я съ вами вид҃ться, продложалъ р҃чь свою обратяся, и кажется, что милосердое небо, желая предускорить моимъ благополучїемъ, вдохнуло и въ васъ желанїе въ Медїоланъ отправиться. Графиня, моя супруга, изв҃стна думаю также о судбин҃ ея дочери; понеже посланному отъ меня къ ней съ симъ изв҃стїемъ надлежитъ уже у ней находиться. Теперь намъ не остается ничего д҃лать, продолжалъ графъ, какъ по҃хать въ мою деревню и вручить Россалину ея матери, которая со всевозможною нетерп҃ливостїю ее ожидаетъ.

Не вс҃ еще наши приключенїя вамъ изв҃стны, сказала г. Бурсетъ графу Дорїю, можетъ быть безъ помощи сихъ великодушныхъ Французовъ не им҃ли бы мы счастїя васъ вид҃ть. Она разказала ему тогда подробно о нападенїи разбойниковъ и о избавленїи отъ нихъ старанїемъ Пренвиля и Сентъ Амана. Графъ услыша сїе благодарилъ

ихъ наичувствительнѣйшимъ образомъ. Съ сего часа почувствовалъ онъ къ Пренвилю наинѣжнѣйшую пріязнь, и обнимая его говорилъ такъ: я вамъ всѣмъ обязанъ государь мой. Чѣмъ могу я заслужить ваше благодѣяніе? Вы мнѣ единую дочь мою возвратили. Какой подарокъ драгоцѣннѣе сего для отца быть можетъ? На конецъ по многимъ взаимнымъ учтивостямъ просилъ онъ какъ Пренвиля, такъ и С. Амана ѣхать съ нимъ въ деревню, чтобы тамъ быть свидѣтелями того благополучія, которымъ онъ имъ обязанъ. Они не отговаривались отъ сего предложенія. Пренвиль находился на вышнемъ степени своего удовольствія, а прекрасная Россалина, потупивъ глаза свои съ неописанною радостію, примѣчала начавшуюся пріязнь ея родителя къ Пренвилю.

Графъ увѣренъ будучи, что графиня, его супруга, въ крайней нетерпѣливости находится, не медлилъ ни мало отъѣздомъ своимъ въ деревню, при чемъ и всѣ за нимъ последо-

слѣдовали. Прибывъ туда нашли они у графини г. Бурсета, который уже дни три тамъ находился, и увѣдомясь, что спасенная имъ дѣвица есть дочь графа Доріи его великаго благодѣтеля, находился о семъ въ крайнемъ удовольствіи. На конецъ вспомнивъ, что его всегда какъ будто что понуждало представить Россалину графу и графинѣ, удивлялся сему тайному гласу провидѣнія.

Проводивъ первые дни во взаимной радости и во всевозможныхъ увеселеніяхъ, Пренвиль помышлялъ о любви своей. Онъ обьявивъ истинное свое состояніе, столь хорошо умѣлъ возпользоваться тою пріязнію, которую графъ во всякомъ случаѣ являлъ ему, что по нѣкоторымъ прозьбамъ отдалъ за него Россалину, съ которою Принвиль проживъ до глубокой старости, непремѣнною любовію пылали одинъ къ другому. С. Аманъ принималъ участіе въ благополучіи его друга, и хотя онъ вышедъ изъ монастыря не могъ

ни

ни малѣйшаго получить наслѣдства, однако великодушїе Пренвиля столь обильно его награждало, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ нужды по самую свою кончину.

Конецъ третїей и послѣдней части.

1951

ГПБ Русский фонд
18.229.5.20